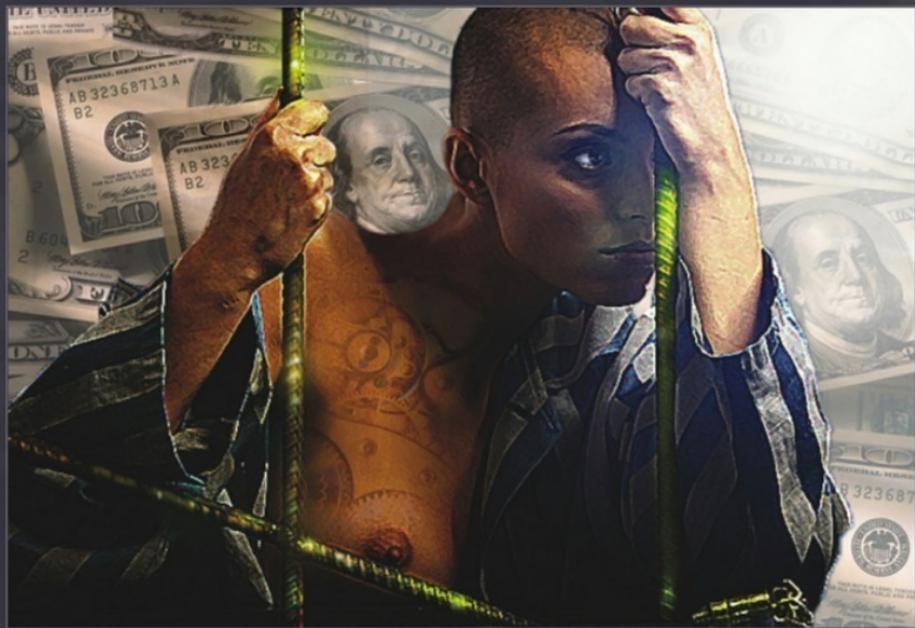

Борис Давыдов

ЖЕРНОВА

Борис Константинович Давыдов Жернова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25015220

ISBN 9785448550249

Аннотация

Все мы проходим через «жернова» жизни. И у каждого они свои, со своими «мельничными камнями». Какая «мука» получится в результате – ответить можно лишь в конце пути. В любом случае она будет с привкусом, как история героев этой книги, где чередуются горечь и радость, разочарования и надежды. Чуть солоноватая, чуть переперчённая. Ну что ж, это тоже жизнь.

Содержание

Жертва обстоятельств	6
Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Жернова

**Борис Константинович
Давыдов**

Дизайнер обложки Е. Г. Яшин

Иллюстрации В. Т. Бирокбосинов

© Борис Константинович Давыдов, 2018

© Е. Г. Яшин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-5024-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жертва обстоятельств

Книга Кстовского писателя Бориса Давыдова «Жернова», можно смело сказать, найдёт своего читателя, её отличает сатирическое изображение от обычной массовой слащавой продукции. Диапазон художественных средств Давыдова Б. К. чрезвычайно многообразен. Кроме сатирических и любовных линий в романе задействованы элементы мелодрамы, боевика, присутствуют лирические, художественные отступления. Развитие сюжета, изложение событий в книге ведётся в динамичном сценарном стиле и читается с интересом.

Так случалось с произведениями Ильфа и Петрова или Зощенко, где автора нередко путали, отождествляли с его героями, а власти делали после всего этого свои, грозные выводы.

В каждом, даже очень плохом человеке, есть какие-то хорошие стороны, поэтому герои «Жерновов» не однозначны, а многоцветны – написаны не одной чёрной краской. Им свойственны чувства привязанности, сострадания и раскаяния, как живым людям, даже если они расчётливы и циничны. Сводить все чувства персонажей Давыдова только к страсти, к наживе и удовлетворению полового инстинкта было бы чересчур прямолинейно и неверно.

Время действия, описанное в книге «Жернова» – середи-

на девяностых годов, эпоха становления дикого капитализма и «прихватизации» в России, когда вдруг перестали выдавать зарплату, а если и платили, то обесцененными миллионами. Главный герой книги Алексей Макашин, работающий начальником участка по строительству автодорог, однажды сравнил себя с некоторыми бизнесменами, которых расплодилось вокруг как грызунов в урожайный год, и решил уподобиться им.

С этого и началось нравственное падение Макашина. Он не испытывает чувства покаяния, угрызений совести, страха перед Всевышним. Чувство жалости и некоторого уважения заслуживают разве что банкир Аркадий Афанасьевич и вторая любовница Макашина Настя, которая тоже объект вожделения, а всё-таки ещё не личность.

В романе описывается жизнь ниже пояса, когда в первую очередь удовлетворяются простейшие инстинкты: жажда наживы, сексуальная похоть...

Самые лирические страницы романа Бориса Давыдова принадлежат описанию Насти. Автор живописует прекрасное женское тело, как художник. С тёплым юмором изображается и гостевание в деревне у стариков Николая Михайловича и бабки Любы. Любовные сцены здесь сочетаются с описаниями природы, поэтому кажутся естественными и чистыми. Настя любит Макашина. Она однажды доносит Галине о встречах Алексея с Татьяной, но читатели готовы простить и забыть это. Здесь начинается уже любовь,

а не секс.

Иногда цитируют слова из телепередачи одной учительницы: «В СССР секса нет». В наше бесцензурное время показа и описаний эротических сцен у нас предостаточно. Впрочем, они уже идут на убыль, потому что целомудренное, здоровое чувство народа отвергает смакование интимностями. И всё-таки, секс в России есть, и писать о нём следует. Запретный плод слаще!

Как я уже сказал ранее, Бор. Давыдов найдёт своего читателя. Несомненно, этот роман лучше поймёт и оценит мужчина, хотя в нём и осуждается её главный герой Макашин, а не женщины, являющиеся жертвами обстоятельств. В то же время, думаю, и женщины будут читать эту книгу с интересом. Что ж, время покажет.

Александр Фигарев, член Союза писателей России.

Лауреат премий

Нижнего Новгорода

и имени А. И. Люкина

Часть первая

Искушение

Крепко завидовал Алексей Николаевич Макашин нынешним богатеям. Хотя жил, как говорится, тоже в достатке: высокий оклад, большие премии, благоустроенная квартира из четырёх комнат, дача с гаражом. Однако, сравнивая себя с некоторыми бизнесменами, которых расплодилось вокруг как грызунов в урожайный год, он испытывал почти физические страдания. С болью наблюдал он, как его генеральный директор построил себе за счёт фирмы два особняка: один оформил на себя, другой – на жену. Купил детям квартиры, машины. Но на этом не остановился, начал строить коттедж для своей любовницы.

Не один Макашин, все подчинённые видели, что ворует их шеф, но говорить об этом вслух побаивались. Поскольку тот в дружбе с городским начальством. Да и как не держаться за престижную фирму, где зарплата задерживалась лишь на месяц, да и получали побольше, чем в других организациях. «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше». Святая правда! Не так прост русский человек, ох, не прост! Мастера и прорабы тоже потихоньку «ворковали» на дачных участках: кто возводил бревенчатый домик с русской печью, кто кирпичный теремок с банькой...

А Макашин хоть и алчным был до чужого, но труслив – вдруг посадят? Но смотрел, смотрел он, думал, думал, и однажды пропал у него страх перед шелестом вождельных ку-

пюр. Прикинул он, что пора и ему запустить руку в толстый акционерный карман, где имелся и его процент акций. К тому же и должность позволяла: как-никак начальник участка по строительству автодорог.

Заканчивался май, и работы шли полным ходом. Самая большая бригада укладывала бетон в аэропорту, другая – асфальтировала площадки одного из подразделений трансгаза, третья занималась ремонтом дороги к винзаводу. Объёмов хватало, к тому же заказчики расплачивались своевременно, что, разумеется, радовало подрядчика.

С очередного понедельника Макашин перестал посещать объекты, заставив мастеров безвылазно сидеть по бригадам, а прораба отправил контролировать качество работ.

Оставшись один, Алексей Николаевич достал из сейфа бутылку водки, налил полный гранёный стакан. Любил он, грешным делом, сей народный напиток, благо привозили его к нему ящиками: кто за песок, щебень и асфальт, кто за крупнотоннажные самосвалы, которые он охотно выделял. Одним словом, от души кайфовал на дармовщину.

Немного помедлив, сорокалетний мужчина влил в себя ещё стакан спиртного и вышел из строительного вагончика полюбоваться Волгой. Вот она, красавица, буквально в двухстах метрах от вагончика. Тишина, красота, от участка до города километров пять.

Макашин частенько загорал на берегу, потягивая горячи-

тельное. Мог он в течение дня выпить целый литр водки, притом без закуски. И хоть бы что. Правда, разместиться водке было где: при среднем росте – необъятный живот, широкие пухлые плечи, шарообразная голова, а на ней – кудряшки чёрными крендельками, розовые щёки – булками.

Походив возле металлического склада, Алексей Николаевич помассировал под белой рубашкой левую грудь: сердечко уже побаливало. Несмотря на внешне здоровый вид, его и в больницу не раз отвозили, и дома в кресле он терял сознание, вывалив язык. Но хвала жене, голубоглазой брюнеточке Галине, которая хоть и работала в поликлинике сестрой-хозяйкой, а первую помощь оказывала как заправский врач.

Раскинув короткие, толстые руки, улыбающийся Алексей глубоко вдохнул в себя волжский воздух и, качнувшись вперёд, медленно направился назад в вагончик. Однако не успел дойти до стола, как услышал за воротами шум подъехавшей машины. Видно, пожаловал кто-то из каждодневных просителей. И точно: вошёл молодой человек лет двадцати пяти.

– Привет, Николаич! – бодрым тоном произнёс он, протягивая руку. И тут же соорудил печальную физиономию. – Николаич, извини, – сказал он заискивающе, – не успел я затариться вчера, а сейчас проезжал, ларьки ещё закрыты.

– У меня всё есть, – недовольно буркнул хозяин кабинета. – А чего тебе, собственно говоря, надо сегодня?

– Николаич, понимаешь, – замялся гость, – мне срочно

надо пятьдесят тонн щебёнки, не хватило. И тонн десять асфальта. А после обеда привезу тебе водочки, закуски, пива баночного.

– А техника опять моя? – строго спросил Макашин.

– Ну, коне-е-чно! Ты же знаешь, у меня единственный «Зил», который давно на ладан...

– Витёк, меня это не колышет, – перебил его Алексей Николаевич. – Ты прекрасно знаешь, сколько стоит щебень, асфальт. И сколько – «Краз», «Татра» в смену. Если хочешь всё это получить, плати наличными.

– И сколько? – тихо спросил Виктор.

– Восемьдесят процентов от стоимости, – не моргнув глазом, ответил Алексей.

– Николаич, ты что? – изумился гость. – Побойся Бога!

– Не хочешь, как хочешь, – равнодушно бросил Макашин, начиная разбирать чертежи на столе.

– Дела-а, – протянул Виктор, растерянно качая головой. Затем, достав калькулятор, стал на нём что-то подсчитывать. – Николаич, многовато получается, – нахмурился он. – Это чистая обдираловка.

Макашин молчал, разглядывая чертежи.

– Николаич, давай хотя бы пятьдесят процентов от стоимости? – взмолился Виктор.

Внимательно посмотрев на частного предпринимателя, Макашин жёстко отчеканил:

– Семьдесят процентов и ни грамма меньше. Но деньги

вперёд, – подчеркнул он, поднимая указательный палец.

– Да ты что, Николаич? – вновь взмолился Виктор. – Где я сейчас такую сумму найду?

– Меня это не е-е... – безразлично бросил начальник, – думай сам.

– Ладно, поеду у знакомых в долг возьму, – обречённо произнёс проситель.

Менее чем через час пачки денег скрылись в ящике стола начинающего «бизнесмена». За этот час у Макашина успели побывать ещё двое ходатаев. И наглеющий «чиновник» заключил с обоими, как и с Виктором, выгодную для себя сделку. Одному был нужен песок, щебень, товарный бетон, другой упросил ежедневно выделять ему два «КамаЗА» в течение месяца. Попутно уступил за полцены штук пятнадцать дорожных плит, сэкономленных на прошлом объекте.

Ближе к обеду купюры были тщательно пересчитаны, с любовью ощупаны и бережно уложены в сейф. Покоившиеся там шесть бутылок водки переселились в стол, чтоб всегда под рукой были. Водки у Макашина, хоть залейся – не меньше десяти ящиков на складе. Там же в избытке сухое вино, коньяк, коробки конфет, шоколад... Но не это его сейчас радует, а «живые» деньги.

На радостях он выпил в этот день гораздо больше нормы – три бутылки, но, к счастью, обошлось. Правда, надутые щёки побурели, а маленькие глазки заплыли, утонули в глазницах. Но это – ничего. Да, ещё споткнулся у подъезда своего

дома, упал вниз проспиртованным пузцом. Опять же никакого ущерба, просто покачался на богатырском животе, буд-то на резиновом шаре. Так мелочь всё это.

Увидев состояние вошедшего в квартиру мужа, Галина молча раздела его, уложила на кровать, затем мягко спросила:

– Алёша, может, помощь моя нужна в чём-то?

– Переверни меня на живот и помассируй спину, – попросил он.

С трудом перевернув грузное тело, она сделала ему массаж не только спины, но и массивных ягодиц, ног. И вдруг услышала:

– Возьми у меня в брюках два миллиона*.

От такой суммы у Галины дыхание спёрло. Она и не догадывалась, что это только часть денег из мужниного сейфа.

– Это откуда? – спросила она елеённым голосом, при этом её красивое лицо расплылось в улыбке.

– Калым, – прозвучал короткий ответ.

Жена больше не стала ни о чём спрашивать. А то, не дай Бог, обидишь чем-нибудь засыпающего мужа.

2

Мысль размахнуться пошире, да так, чтобы никто не догадался, не давала Макашину покоя и на следующее утро. Он подумал, что прорабу и некоторым приближённым можно залить глаза стаканом вина. А остальным? Не делиться же с ними левыми доходами.

Выпив на работе свою обычную порцию и закусив свежим огурцом, Алексей Николаевич успокоился. Разогнал всех по объектам и, оставшись в одиночестве, снова предался размышлениям. Делать деньги в наступившее мутное время может начальник любого ранга. Но как делать поэффективнее и без опаски? Легче всего, конечно, с большегрузными машинами: их Макашин заказывал на каждый день с запасом; всё равно акционерное общество оплачивает. Со своей техникой – автомобильным краном, бульдозером, асфальтоукладчиком и так далее – вообще нет проблем, здесь он хозяин-барин. Труднее со стройматериалами, которые тают прямо на глазах. Вроде, совсем недавно возвышались горы песка, щебня, и вот – их почти нет. Чем же ещё-то поживиться?

Искупавшись в Волге и полежав часок на берегу, он обдумал предварительный план действий. А в ближайшие выходные, подытожив свои мысли, принял довольно дерзкое решение для себя – закодироваться от водки на год. Чтобы по пьянке не наделать глупостей.

Жена от такого решения пришла в неопишемую радость: дошли до Господа её молитвы – муж бросает пить.

* Шёл 1995 год, когда зарплата у работоспособного населения была мизерной, хотя исчислялась в сотнях тысячах рублей. У кого-то, правда, она была около миллиона, а у кого-то и больше. Среднестатистическая же зарплата по обла-

сти, где проживали наши герои, составляла в это время четыреста сорок тысяч восемьсот семнадцать рублей. На эту сумму семье, например, из трёх человек, прожить было крайне сложно.

Спустя несколько дней после кодирования трезвая голова Макашина нашла-таки дополнительные пути обогащения. В результате только за июнь он оставил в заначке более двухсот миллионов рублей. Процентуя у заказчиков не все выполненные работы, он получал премии и за время вынужденных простоев. Это была палочка-выручалочка, не раз спасавшая его от критики генерального директора. На сей раз предусмотрительный начальник участка решил часть не процентованных работ «продать», предварительно согласовав схему с нужным человеком.

Встретившись с давним своим приятелем – директором частной фирмы, Макашин предложил ему вариант: тот получает на свой расчётный счёт семьдесят миллионов рублей и часть оставляет себе, а остальное – Алексею Николаевичу.

– Хм, – задумался директор товарищества с ограниченной ответственностью. – И сколько же ты себе хочешь?

– Ну-у, – замычал Макашин, вглядываясь куда-то вверх, – хотелось бы процентов восемьдесят.

– Ты, Николаич, загнул, – мотнул головой директор. – Убавь немного. – И будто проверяя экономические знания Макашина, осторожно спросил:

– А ты знаешь, сколько процентов в налоги уходит?

– Конечно, знаю, – грубовато ответил «чиновник», хотя на самом деле знал лишь НДС да ещё пару пунктов, поскольку бухгалтерия для него, что процентовки для рабочих. Помедлив, сказал с равнодушным видом:

– Не хочешь, другую фирму найду, которая без проблем обналачкой занимается. Причём за минимальный процент.

Директор, видимо, этого никак не ожидал.

– Ты, Николаич, не прав, – с укором посмотрев на него, сказал он. – Я тебе предлагаю пятьдесят процентов налом, считаю, это честно с моей стороны. А главное, ни одна живая душа не узнает.

Немного подумав, Макашин с видимой неохотой согласился. На самом же деле он ликовал, поскольку рассчитывал получить двадцать пять процентов или максимум тридцать. В общем, оба остались довольны.

На радостях Макашин побежал было за водкой в металлический склад, но вовремя вспомнил, что закодирован. С досады зарычал, как раненый зверь. К счастью, увидел ящик с безалкогольным пивом, оставленный очередным клиентом. Две бутылки прохладного напитка в одно мгновение исчезли в его чреве. Охладив пылающее нутро, по привычке направился на берег Волги.

Спустя несколько дней он получил тридцать пять миллионов. Вдобавок к тем, что взял за щебень, бетон, машины, экскаватор... Одним словом, деньги потекли к нему, как ве-

сенный поток в глубокую балку.

Вскоре появилась у Макашина новая страсть – к женщинам. Благо трезвый образ жизни повышал мужскую силу. Помогали и некоторые снадобья, приобретённые по «блату». Даже лосиное молоко где-то доставал.

Первой это почувствовала жена. Она и радовалась и одновременно удивлялась: муж даже в молодые годы таким не был. Сам же Алексей Николаевич, почувствовав в себе уверенность, стал с явным интересом поглядывать на молодую женщину Татьяну, которую около года тому назад взял на свой участок мастером. Взял потому, что не мог устоять перед её ярко-зелёными очами и стройной фигурой. Но именно из-за своего недомогания, ни разу не решился остаться с нею наедине. Теперь всё круто поменялось, и в один прекрасный день он предложил подчинённой задержаться в вагончике, «поработать» с чертежами нового объекта. Та покорно ответила согласием.

3

Говорят, аппетит приходит во время еды. Пережив первый восторг от «лёгких» денег, Алексей Николаевич снова призадумался и решил, что пятьдесят процентов – маловато. Он стал искать более выгодного партнёра, уже на сто миллионов рублей, и нашёл-таки сговорчивого человека, который обещал ему от перечисленной суммы семьдесят процентов. И опять оба остались довольны.

Кстати, почему все мужчины любят говорить о женщинах? Не потому ли, что каждый начинает с нею общаться ещё не родившись? Далее идут детские ясли, садик, где няни и воспитатели – женщины. За детсадом следует школа, где учителя – тоже в основном женщины. А врачи, медсёстры, которые сопровождают нас всю жизнь?

Поистине куда ни кинешь взгляд, везде женщины!..

А как себя чувствует Татьяна после объятий своего начальника?

Да как все женщины, которыми руководит любопытство.

Она среднего роста, стройная, очаровательная шатенка двадцати четырёх лет, год как замужем, детей пока нет. И производственного опыта тоже, можно сказать, нет. Но глазки кокетливо стреляют, бёдра, ягодицы играют. А чувственные губы, кажется, так и ждут поцелуя, манят, соблазняют мужчин. И ей действительно было любопытно: как, этот огромный, неуклюжий мешок тоже нуждается в объятиях и поцелуях? Неужели он о чём-то думает, кроме работы и вина? Но молодая женщина запомнила, что её шеф уже не употребляет спиртного. Вскоре простое любопытство перешло в изумление, потом и в восхищение.

А вот жена Макашина в последнее время стала чаще обычного слышать от мужа неприличные слова. Правда, ради справедливости надо сказать, что чаще обычного стала она получать и крупные суммы денег. В постели дело ладилось не всегда, ибо муженёк находил поводы для ссоры и в гневе уходил спать в гостиную.

Галина почувствовала опасность для себя, поскольку буквально неделю назад у них всё было по-другому. Так что она даже боялась: выдержит ли такой бурный натиск с мужниной стороны. Но всё это осталось в прошлом, а женщине хотелось продолжения: она уже вошла во вкус. Пораскинув мозгами, решила устроить за мужем слежку. Но не могла она предположить, что муж оказался предусмотрительным – купил тайком от неё однокомнатную квартиру. Купил также «жигулёнка», об этом супруга знала, чему несказанно об-

радовалась, потому как на дачу теперь не придётся ездить на перекладных.

Четырнадцатого августа Макашин увёл Татьяну-целовальницу в укромное местечко на берегу Волги. Отметили там мёдом первый Спас, покупались. Молодая дама радовалась вылазкам на природу. Хотя не прочь была «позагорать» с начальником и на полу пока не обставленной однокомнатной квартиры. Тем более что её услуги оплачивались щедро.

Радовало её и то, что стала реже встречаться с грубыми рабочими. А ведь должность мастера её к этому обязывала. «Хотя бы нормировщицей, – думала она, – но сидеть в конторе или вагончике, а не бегать под открытым небом по объектам в любую погоду».

– Алёшенька, может, похлопочешь за меня? – стала она ласкаться к Алексею Николаевичу. То в воде на него прыгнет, то на берегу нежным котёночком подкатится.

– Хорошо, завтра поговорю с генеральным, – пообещал Алексей. К счастью или к несчастью, но генеральный не сумел отказать толковому начальнику участка, который два последних года был доверенным лицом на строительстве его личных коттеджей и в других мелких делах.

Так на участке ввели новую должность – нормировщик с окладом прораба. Ох, и возликовала Танюша, ох и запрыгала она, хлопая в ладоши.

Но, то ли от излишней радости, то ли оттого, что накупа-

лась накануне после жарких объятий, поднялась у неё вдруг температура, в жар милоликую бросило. Отвёз её начальник домой и посоветовал оформить больничный лист. А около полудня жена Алёши стояла в кустах перед вагончиком, наблюдая за мужем.

«Точно ведь стал изменять с этой молодухой. Не зря она как-то с усмешкой посмотрела на меня, распутница. Уж лучше бы не кодировался, – с болью думала Галина. – Пусть меня раньше так не ворошил, но и на других не заглядывался, некогда было; zenки-то каждый день были зельем залиты. А сейчас вон как распрыгался, как будто нанюхался чего. С другой стороны, деньги большие появились. Правда, и раньше у него деньжата водились, но не столько, конечно. А тут машину купил, мне постоянно отваливает, сколько попрошу. Дочери выделил на платное обучение в экономическом институте. Сын, закончивший ПТУ, будет учиться на менеджера. Нет, закодированный всё же лучше, надо только на работу к нему почаще навещаться, чтобы знал: могу застукать его в любой момент в случае чего. И дома, пожалуй, надо поласковее с ним, пообходительнее. Да, так и сделаю, буду с ним ласкушей. Пусть грубит, кричит, а лаской я его всё равно покорю. Сегодня, так уж и быть, постою часок-другой; в окошко незаметно посмотрю. Если всё нормально, тихо скроюсь и буду ждать дома».

Не увидев ничего, чтобы внушало подозрение, Галина спустя полтора часа ушла на автобусную остановку.

После работы Алёша не узнал жену, потому как была она в шёлковом облегающем халате, под которым выступали широкие бёдра, высокая грудь; большие глаза с густыми чёрными ресницами таинственно мерцали небесной голубишной; на пухленьких губах манящая улыбка... Супруга показала ему просто неотразимой. Тем не менее, он с деланным равнодушием оглядел её и, удивлённо подняв брови, прошёл на кухню. Жена тут же проследовала за ним; ухаживала за благоверным с такой лаской, чуть ли не на коленях ползала, и сломила его упорство. Да и как было устоять перед нежнейшей женщиной, если она предстала словно колдунья-любовница из эротического шоу. В постель они пошли в обнимку.

4

Неделя пролетела у Макашиных в мире, любви и согласии. На новой машине ездили на дачу, к родственникам в деревню. Однако через два-три дня опять с закодированным что-то произошло. Что?

Очень скоро Галина узнала причину: Татьяна просто болела. Но стоило той выйти на работу, как муж тем же вечером без всякого повода устроил скандал. И Галина задохнулась от ревности: «А-а-х, значит, ты не поддался на мои ласки?! Хорошо, кобель жирный, я до тебя ещё доберусь».

Когда муж пришёл с работы, она перво-наперво решила всё же поговорить с ним, а там видно будет.

Пужинав, Алексей прошёл в гостиную и с тяжёлым вы-

доходом сел на диван.

– Алёша, – с милой улыбкой обратилась к нему жена, – у тебя на работе всё нормально?

– А что это тебя вдруг заинтересовало? – с недовольной миной на лице спросил он.

– Ну, как же? Как-никак твоя работа приносит достаток нашей семье. А я слышала, – сделав паузу, продолжила она, – что пока Татьяна болела, её перевели нормировщицей. Это что, повышение или понижение?

– Тебя-то почему это волнует? – с заметным раздражением спросил муж.

– А как же не должно волновать? – простодушным голосом ответила Галина. – Когда она была на больничном, ты со мной вёл себя как заправский супруг – нежный, сильный. Стоило ей выйти на работу, как ты сразу же отвернулся от меня. Разве я не права?

– Нет, не права! – резко возразил Алексей. – И хватит приставать ко мне, дай нормально отдохнуть после работы.

– Алёша, а ещё я слышала, что ты на Волгу одно время ходил с Татьяной, купался там с ней. Это ты считаешь нормальным? Когда начальник чуть ли не в обнимку ходит с подчинённой, как это называется?

– Ну, ходил пару раз, – более спокойным тоном, ответил Алексей. – Просто лень было одному идти. И не в обнимку, как тебе наплели. В обнимку, – хмыкнул он, качнув шарообразной головой.

– Пусть не в обнимку, – согласилась Галина. – Но когда она болела, ты был ласков со мной, когда она вышла на работу, сразу охладел ко мне. Что ты на это скажешь?

Алексей неожиданно захохотал, да так, что огромный живот заколыхался, будто трясли его изнутри.

– Ничего не скажу, – ответил он, отсмеявшись. – Ты думаешь, я стал половым гигантом, если почти ежедневно ублажал тебя? – Алексей посмотрел на супругу маленькими глазками, хитро улыбнулся. – Да, я действительно чувствую себя на удивление боеспособным, но надо и перерывы делать. – Он вновь улыбнулся, но тут же, нахмутив брови, продолжил: – Причём работы сейчас тьма, а вчера авария на одном объекте случилась, поэтому до сих пор не могу отойти. Да ты ещё нервируешь меня своими вопросами. Нечего слушать разных там болтунов. Сама-то, наверное, лучше других видишь, что нелегко мне последнее время. Я ведь не из воздуха делаю деньги, а за некоторых тупых бизнесменов работаю. Естественно, беру с каждого свой процент. Приходится целыми днями голову ломать, думать о благосостоянии семьи, а ты лезешь со своей подозрительностью. В конце концов, я ведь не робот, пусть и закодировали меня.

Галина слушала мужа и диву давалась: никогда ещё её немногословный муж не был таким говорливым. «На самом деле мне, наверное, из зависти нашептали про него. Злые люди видят, что хорошо мы стали жить, вот и стараются какую-нибудь пакость подбросить. Да и мне от него „деликате-

сов“ каждый день не требуется, не привыкла... Хотя раньше вообще удовольствия от него в постели не получала. А если совсем честно, то недавно только и почувствовала себя женщиной. Да так почувствовала, что о-о! Чудо какое-то, а не муж стал... встал...»

После искренней, как показалось Галине, исповеди мужа она извинилась перед ним, расцеловала в порыве страсти. Целовала даже его большущий живот... Затем лаской увела в спальню, раздела и с воодушевлением стала делать ему массаж.

Правда, лелеяла надежду: а вдруг и муж массаж ей делает? Но как ни старалась, не изощрялась – без толку. Опять же и целовала затейливо, упругие её груди, будто сестрёнки-двойняшки тыкались в него возбуждёнными *носиками*; притягательные ягодицы под кружевной сорочкой должны бы взволновать его мужское воображение. Нет, остался равнодушным.

«Ладно, – подумала верная жена, – устал муженёк. На большие деньги и сил, наверное, много надо, на них и уходит вся энергия. А я подожду, не привыкать. Раньше месяцами ждала и ничего, не умерла. И даже не похудела. А теперь, слава Богу, хоть изредка, но перепадает».

Так прошёл день, за ним второй, третий... В воскресенье муж утешил жену, да так старательно, что она опять была на седьмом небе от счастья.

А секрет оказался прост: муж применил кое-что из но-

вейших секс-изобретений человечества. И снова ей хорошо. «Ах, какой у меня муженёк стал! Ах, как здорово, что он закодировался! Ах, ах, ах! – ещё и денег за это дал». «Ох, ох, ох!» – продолжало трепетать её убоготворённое тело.

5

Наступил сентябрь. Дети Макашиных учились в коммерческих вузах. Галина радовалась: муж и на работе не задерживался, и денег на покупки не жалел. Ну и ублажал, когда женскому естеству невтерпёж становилось.

Но враз лопнула в её душе счастливая струна, когда соседка по подъезду принесла на хвосте новость. Случилось это в понедельник, а по народным приметам – с понедельника на всю неделю идёт либо счастье, либо несчастье. Так вот соседка возьми и скажи:

– Твой муж-то в открытую крутит с нашей Танькой-нормировщицей. А та настолько обнаглела, что начинает командовать всем участком. Ох, и наглая девка, страх! Как-то твой в кабинет вошёл, так она при мне его поцеловала. Он, правда, нахмурился, но ничего ей не сказал. А она, стерва, хлысть на меня глазами и со смехом на улицу пошла. А юбочка-то, батюшки, только зад и прикрывает. Тьфу, срамота одна!

Вот тут у Галины и зашуршали мысли, как мыши в сухой скирде соломы. Она и бледнела, и краснела, слушая сослуживицу её мужа. Прибежав домой, несколько минут металась из комнаты в комнату. Затем, опомнившись, се-

ла на кухне, прижав ладони к вискам: «Так, выходит, обманул меня жирный Макашин?» И полезли в голову проклятье за проклятием. «Хряк ты закодированный. Толстощёкий поросёнок со щучьими глазами. Чтобы распух ты ещё толще и лопнул, как свиной пузырь...»

Посидев минут двадцать, она встала; лицо её стало багряным, голубые глаза померкли. Аккуратно заправив белую блузочку под юбку, она достала из шкафа бутылку водки «Абсолют». Налив полстакана, выпила. Закусила. Походив по кухне, ещё налила «успокоительного».

Внутри у Галины часто бурлил кипяток, но она никогда на мужа и детей не плескала. Так, слетит иной раз с языка что-то резкое, но не оскорбительное, не унижающее человека. В душе порой крепко поругается с обидчиком, но языку воли не даёт. Так и сейчас: пооскорбляла мужа за глаза, губки зубками покусала – и всё, молчок. Чем языком трепать, лучше умом что-то мстительное для такого случая придумать. Но что придумаешь, когда обида раздирает грудь? Повздыхала она, из грустных глаз слезинки уронила и, словно сама виновата перед мужем, пошла в гостиную с опущенной головой. Может, телевизор уведёт от тревожных мыслей.

Муж, как обычно, пришёл с работы вовремя. Жена с сухим комом в горле разогрела в микроволновой печи первое, второе, незаметно поглядывая на толстощёкого: не выдаст ли себя чем? Нет, сидит себе с деревянной ложкой, уткнувшись в газету, чавкает, как настоящий боров. Ну, какие ему вопро-

сы задавать? Всё равно наврёт, если уж начал. А ведь раньше, кажется, не врал. Да что там, раньше он только одно знал: с вином обниматься. «А что всё-таки лучше: бутылка или любовница? Для него, пожалуй, и то, и другое хорошо. А для меня?»»

Так и не найдя ответов на свои вопросы, Галина снова включила телевизор, чтобы отвлечься от навязчивых дум.

Войдя вечером в спальню, Галина непроизвольно принялась: как будто незнакомыми духами пахнет. Что такое? Через минуту усмехнулась: «Не духами, а потом прёт от мужика». Раздевшись, легла рядом с ним. Желание, весь день бродившее в её душе, пропало. «Храпит, как боров, до меня ему и дела нет. Права соседка, права: крутит он с этой Татьяной». Повозившись, покрутившись в постели, Галина лишь к полуночи уснула беспокойным сном.

6

На следующий день Галина оформила себе отпуск. «Попробую чаще бывать на работе у мужа, авось разлучу его с этой блудней».

В этот же день часам к одиннадцати она подходила к вагончику. Ещё издали увидела, что в «жигулёнке» вишнёвого цвета сидит нормировщица. Сердце будто обдало жаром, ноги сами замедлили шаг.

Машина стояла боком, и Татьяна, сидевшая в ней, не заметила приближающуюся жену своего начальника.

Галина остановилась: ей хотелось отбежать в кусты, спря-

таться и подождать, пока муж с любовницей вернутся. А предварительно засечь время и спросить потом, где они так долго пропадали. Она уже собралась спрятаться, как из вагончика вышел муж – весёлый, жизнерадостный, каким давно уже не был. Он направился было к «жигулёнку», и тут увидел жену. Лицо его мигом изменилось, даже розовые, булкообразные щёки побледнели.

– Ты чего здесь делаешь? – обескуражено спросил он.

– В гости к тебе пришла, – невозмутимым тоном ответила Галина.

– Да? А мы в столовую с Татьяной собрались ехать. Не хочешь за компанию?

– Поехали, я как раз не успела позавтракать. Кстати, я отпуск с сегодняшнего дня взяла...

– Алёша! – позвала его из машины Татьяна. – Ты долго ещё будешь стоять? – Она высунула голову из приоткрытой дверцы, но за тучной фигурой любовника не увидела человека, с которым он разговаривает. Из салона «Жигулей» лилась ритмичная музыка.

Галина выразительно посмотрела на мужа: дескать, что за претензии к тебе от подчинённой? Но муж только растерянно хлопал глазами и молчал. Тогда она вышла из «укрытия» и язвительным тоном обратилась к Татьяне:

– Вы почему это на «ты» и по имени называете своего начальника? Что это за панибратство?

– Хы! – пренебрежительно усмехнулась та, лениво выле-

зая из машины. – А тебя это волнует? – Подошла к Макашину: – Дай мне ключ от вагончика.

Засуетившись, тот стал обеими руками шарить по карманам. Протягивая ключ, спросил:

– Тань, тебе привезти чего-нибудь перекусить?

– Не надо мне ничего! – раздражённо бросила она и, виляя задом, пошла к вагончику. Макашин невольно залюбовался её танцующей походкой и подёргивающимися ягодицами. Галина тоже посмотрела вслед молодой сопернице, при этом насмешливо обронила:

– Горячая, оказывается, девочка. Она что, и в постели такая вертлявая?

– Прекрати глупости говорить! – оборвал её муж. – Если хочешь, поехали в столовую, не хочешь – оставайся здесь.

– Что я здесь без тебя буду делать? – усмехнулась жена. – Поеду с тобой.

Она расположилась на ещё не остывшем после Татьяны сиденье и насмешливо подумала: «Девчонка, небось, яйцо вот-вот готова была снести, а ты её прогнала с уютного гнёздышка. И в самом деле, видно, горячая, если „гнездо“ так и пышет жаром».

Опустив боковое стекло, Галина смотрела вперёд с невесёлой улыбкой. Солнце тоже скромно улыбалось началу бабьего лета. Вспомнилась народная примета: «На первый день бабьего лета серо и пасмурно – осень будет продолжительной. Коли ясно – осень ведренна, прекрасна». Судя по все-

му, нынешняя осень ожидалась прекрасной. Для всех ли?

Пообедав в ресторане, Галина настояла на том, чтобы Алексей отвёз её к себе на работу.

– Дети учатся, одной дома скучно, а здесь хоть на Волгу схожу, подышу свежим воздухом.

Вернувшись к вагончику, она первым делом решила заглянуть в него, водички родниковой попить. Пока муж закрывал машину, пинал зачем-то колёса, Галина юркнула в его кабинет. Ба, а за начальническим столом – нормировщица. Сидит, закинув ногу на ногу, газетку почитывает.

Тут уж Галина не выдержала, уставилась на нахалку, ожидая, когда та уйдёт. Но не тут-то было: нахалка с места не сдвинулась, в свою очередь, устремив на жену своего начальника презрительный взгляд. Галина вдруг ни с того ни с сего расхохоталась:

– Ты что, милашка, zenки-то щуришь, или соринка попала? Давай я плюну в них, должно полегчать. – Она только сделала шаг вперёд, как Татьяна вскочила со стула, отбросив газету в сторону.

– Я т-те плюну, милашка! – вскипела она, улепётывая из кабинета. Промчалась через тамбур во вторую половину вагончика. Алексей в этот момент как раз по ступенькам поднимался.

– Ляпнула, что ли, чего Татьяне? – хмуро спросил он.

– Ты что, Алёша? – по обыкновению кротко ответила жена. – Просто Танька увидела меня и бегом из твоего каби-

нета. Видно, не ожидала ещё раз сегодня увидеть. А почему она у тебя сидит, а не в комнате мастеров?

– Тебе-то какое дело? – пренебрежительно бросил Алексей. – Да, ты ведь на Волгу, кажется, собиралась идти.

Галина спросила невозмутимым тоном:

– А у тебя минеральной воды случайно нет?

«Ох, и хитрая же ты баба», – подумал Макашин, садясь на скрипнувший стул. И, взяв из стола ключ, протянул его жене:

– Открой металлический склад, там найдёшь и минеральной, и пива. А хочешь – водки возьми.

– Ну, водку я, пожалуй, не буду, а пивка на Волгу прихвати с собой. Ничего? – лукаво посмотрела она на мужа.

– Бери, чего хочешь, – на удивление доброжелательно ответил тот.

Вернувшись к концу рабочего дня, Галина первым делом заглянула в комнату мастеров. Там в низеньком кресле лицом к двери вальяжно сидела Татьяна, закинув ногу на ногу, но уже не с газетой, а с журналом в одной руке и сигаретой в другой.

Жена начальника криво улыбнулась ей; та в ответ надменно скривила губы и с вызовом подняла ноги выше подлокотников. Увидев под короткой юбочкой то, что женщины обычно прячут от постороннего глаза, Галина тотчас захлопнула дверь, про себя возмущаясь: «Ну и бесстыдница, без трусов на работу ездит». И услышала из-за двери издеватель-

ский смех.

Об этом случае она не стала говорить мужу – в кабинете находились посторонние. А, прогуливаясь около вагончика, стала размышлять: «Какая блудня, оказывается, эта девка, ну и ну. И раньше представляла её не ангелом, но чтоб до такого бесстыдства дойти. Такая в момент любого мужика в постель затащит, тот не успеет и очухаться. Да-а, значит, моему тоже показала свою „кудель“, он язык-то и вывалил. А потом, может, и другое... Что же с ней делать-то? Мужики, они что: дают – бери, бьют – беги. Ой, голова сразу заболела от этой чертовки».

Весь вечер в глазах Галины стояла... то есть сидела в кресле нормировщица с поднятыми ногами и «матрёной» между ними. Приготовив на скорую руку мясо в микроволновой печи, она стала смотреть какой-то сериал по телевизору, не вникая в его суть. Муж не любил подобную муру, поужинав, он ушёл в спальню, лег в огромных трусах на кровать и занялся кроссвордами.

Не выдержав напора ревнивых мыслей, женщина, выключив телевизор, тоже пошла в спальню. Дочь с сыном, как обычно, находились в своих комнатах, откуда слышалась негромкая музыка.

– Алёша, – обратилась Галина к мужу, присаживаясь на кровать. – Всё же ответь мне: почему Татьяна называет тебя по имени и на «ты?» А сегодня перед обедом вообще сцену устроила, обращаясь к тебе в грубой форме. Значит,

ты у неё под пятой?

– Под какой ещё пятой! – вспыхнул муж. – Отстань от меня.

– Почему отстань? – с нежной улыбкой проговорила жена. – Ты ведь мой единственный и вдруг «отстань». А если она уведёт тебя, что я без тебя буду делать? Ты хоть и несправедлив бываешь ко мне, но всё равно для меня самый любимый. Где ещё отыщешь такого здоровенного молчуна? Нигде. Давай, переворачивайся на свою бочку, я тебя помассирую.

Добродушно что-то бурча, Макашин лёг на живот, который и впрямь походил на бочкообразную посудину. Вскоре он запыхтел, закричал, затем начал вскрикивать: «Ай!.. Ой!..»

– Если не ответишь на тот мой вопрос, я насиловать тебя буду. Хочешь? – шутливым тоном спросила Галина и начала стягивать с мужа трусы.

– Не дури, – миролюбиво проворчал он.

– Как хочешь.

Сказав это, Галина сбросила с себя шёлковый халат... В самом соку, с роскошными ягодицами, она выглядела на мужском задку, как девочка-подросток на крупе мерина. А когда чмокнула губами и сказала «Но-о...», то и в самом деле показалась игривым ребёнком.

– Галька, не дури, – ещё раз благодушно промурлыкал муж.

Она тем временем легла на его широченную спину и стала

с урчанием покусывать ему плечи.

– Га-а-ль, не надо. Ну, Га-а-ль, – капризно захныкал Алексей. – Галька! – вскрикнул он от болезненного укуса и дёрнулся всем телом.

А Галка снова игриво заурчала, продолжая легонько кусать и поглаживать супруга. Буквально через две-три минуты оба «разогрелись» до той степени, когда ум посылает к чёрту любые вопросы-ответы, а тело начинает гореть огнём желания. Тем более что предусмотрительная жена заперла дверь от нечаянного любопытства детей.

7

На следующий день, Галина опять отправилась к мужу на работу. Алексей с довольной улыбкой поглядел на неё и снова углубился в лежащие перед ним бумаги. Видимо, он ничего не мог сказать жене по поводу её раннего прихода, упрекнуть за ревность. И супруга осталась довольна: не обругал, скорее даже обласкал улыбкой. Правда, утром она предупредила, что не намерена в отпуске дома отсиживаться, уж лучше рюмочку в хорошую погоду на берегу Волги пропустит, пивка с воблой попьёт. А до этого с ним в ресторан пообедать съездит.

Алексей в тот момент ничего не сказал, лишь покривился неопределённо. Зато сейча-а-с... У жены тепло к сердцу подкатило от благого предчувствия. «Всё же лаской я его покорю, как он ни пыжится. Ещё бы ту распутницу на другой участок перевели, тогда вообще было бы здорово. А муж

в последнее время и с работы приходит вовремя, и выходные дни дома или со мной на даче проводит».

В таком благостном состоянии Галина покинула кабинет, поскольку в него зашли двое кавказцев.

Однако тревожила её вторая половина вагончика. Как ни противилась она щекотке, как ни сдерживала себя, но одна только мысль подразнить Таньку-нормировщицу, выплёскивала румянец на Галинино лицо, а выразительные глаза заставляла светиться.

Открыла она дверь, а Татьяна, оказывается, уже ждёт её: углядела в оконце. Сидит в том же кресле, сигаретный дым в потолок колечками пускает и... голые ножки на подлокотниках лежат. А юбки вроде бы и совсем нет – одна тонкая кофточка чуть ниже пупочка. И смотрит, смотрит на жену начальника, блуждающая улыбка на обаятельной мордашке.

– Садись, покурим, – предлагает другой обаятельной мордашке, которая с полуоткрытым ртом застыла у порога.

– Ну и наха-а-л-ка ты, – изумлённо протянула Галина, медленно качая головой.

– Ты не права, милая, – блеснула очаровательной улыбкой Татьяна.

Ещё раз, поймав взглядом кудреватую «треуголку», Галина осторожно прикрыла за собой дверь, чтобы муж не услышал и не пришёл разбираться. «Да, – вздохнула она с некоей завистью, – разве устоит хоть один мужик перед такой... И морда при ней, и ляжки... соски титек торчат. Видно, без

лифчика ходит. Нет, надо её гнать отсюда. Но как? И этот чёрт закодировался. Раньше пил – плохо. Сейчас не пьёт, а это, оказывается, ещё хуже».

Мысли встревоженной женщины опять вернулись к Татьяне. «Надо убедить бабёнку, чтобы не шастала, куда ни по́пада...» Но тут Алексей позвал её: пора было в ресторан ехать.

После обеда она потягивала пиво на берегу, баловалась водочкой, сама себе наливая в пластмассовый стаканчик. И хоть настроение у неё было лучше некуда и смелости, кажется, ещё прибавилось, но не рискнула снова заглянуть к полуголой чертовке. Просто не хотелось смотреть и всё тут – эка невидаль. В бане она и не таких видывала. Что же, и их к мужу ревновать? «Всё, больше не буду ревновать, – твёрдо решила. – А то чем больше будешь ревновать, тем больше ему чужую бабу захочется».

С берега Волги Галина пришла обновлённая; река, живописные окрестности освежили душу. И муж, сразу заметив её безмятежное настроение, с хитрой улыбкой предложил выпить:

– У меня закуска отменная в холодильнике: икра чёрная, балычок. Запить тоже есть чем.

И жена, хоть была уже навеселе, согласилась; наверное, постеснялась отказать. Выпила рюмку, супруг ещё наливает. Выпила вторую, третью... Неожиданно к начальнику приехала группа рабочих, отчего снова пришлось на берег Волги идти.

После работы Алексей пригласил в гости соседку Евдокию, которая никогда не отказывалась выпить. В своё время и сам немало с ней ящиков оприходовал.

Стал он наливать жене да Евдокии коньяк, водочку. А под хорошую закуску много выпить можно. Просидели в уютной кухне до позднего вечера; Галина без ущерба для себя немало могла принять «горькой», но в этот раз только с помощью мужа добралась до постели. Хотя за столом и разговаривала связно, а встала – ноги ослабли.

К завтраку не поднялась, как Алексей её не расталкивал.
– Алё-ё-ша, – взмолилась она, – разогрей сам.

Но Алексей всё же решил привести её в чувство. Смочив полотенце холодной водой, приложил его к женским грудям, животу. Галина вяло ойкнула раз-другой и нехотя поднялась.

– Опохмелись, полегчает, – посоветовал муж.

– Не хочу-у, – набросив халат на голое тело, слабо воспротивилась жена.

– Да ладно, пойдём, – проникновенно молвил Алексей и взял Галину под локоток.

После первой рюмки она приободрилась. После второй – щёки зарумянились. После третьей – глазки заблестели.

Перед уходом на работу, муж произнёс с затаённой усмешкой:

– Сходи к Евдокии, мучается, наверное, человек.

– Да-да, конечно, – послушно ответила жена. – Только детей сначала провожу.

Алексей не очень надеялся, что его бесхитростный план удастся, но всё же решил попробовать. Пусть жена лучше с безработной соседкой дома попивает, пока в отпуске, чем торчит на работе у него. А то некоторые начинают уже ухмыляться, того и гляди до всех участков дойдёт, что жена Макашина пасёт своего благоверного. Когда пил – не пасла, а сейчас вдруг надумала. Да и с Таньей мешает ему «дружбу» водить.

План, как ни странно, начал осуществляться – Галина не приехала в этот день. Но тут другая беда нагрянула: Татьяна наотрез отказалась разговаривать с ним, как он ни юлил, ни распинался перед ней.

Дома он застал жену в обществе Евдокии и ещё одной смазливой бабёнки лет тридцати – они «гуляли». Поужинав, подошёл к женщинам, которые пытались спеть народную песню на три голоса. Хотел было им помочь, да вспомнил, что нет ни вокальных данных, ни музыкального слуха.

Утром он снова уговорил жену опохмелиться. И опять она не приехала на работу к нему. Алексей радостно потирал руки: «Процесс пошёл. Но что-то легко и быстро она „перестроилась“. Или расслабиться решила?»

Вечером он вновь застал ту же троицу на своей кухне. И в этот раз стал ухаживать за дамами, особенно за женой. Обнимал её, чмокал в пышные волосы на голове. Она цвела, а когда дошла до кондиции, неуклюже бросилась ему на шею, норвя поцеловать. Да не просто куда-то там, напри-

мер, в щёку, а именно в губы, да взасос. Он дал ей такую возможность, и женщина победоносно-пьяным взглядом посмотрела на собутыльниц: вот, мол, какой у неё муж – и богатый, и любит её. Раньше никто не видывал, чтобы слово ласковое сказал при всех, а тут...

8

Проснувшись в очередной понеделник, Галина сказала себе: «Всё, надо закругляться с этой пьянкой, а то и в алкаши недолго попасть». Уговоры мужа «остограммитесь», не помогли: «Бедлам полный в голове, тошнит сильно, не могу».

После работы Алексей опять пригласил Евдокию, но уже с мужем, как бы случайно встретив их в подъезде. Галина воспротивилась было, но потом смирилась, пригласив в комнату гостей. За четыре с половиной часа, проведённых за столом, компания разогрелась; полились песни. Соседи даже домой направились с песней, изрядно качаясь и поддерживая друг дружку.

Галина держалась, но всё-таки и её покачивало. Алексей же и в этот раз проявил к супруге заботу и нежность. Сам помыл посуду, накормил детей – не муж стал, просто ангел. Даже раздел жену перед сном, и ласками её наградил, чего она этой ночью никак не ожидала, да и не очень хотела; потому что в подпитии просто забывала про любовь. А тут вдруг вспомнила, и даже подумала: «Похоже, Алёша мне не изменяет».

Утром просыпаться не хотелось: то ли причиной тому бы-

ло вино, то ли в любовной страсти муж переусердствовал, однако Галина не могла даже голову с подушки поднять. Алексей и мокрое полотенце к грудям прикладывал, и водой из стакана в лицо прыскал, Галина только вздрагивала и мычала; пришлось Алексею завтракать одному.

На работе он то и дело посматривал на дверь: сейчас же-на явится. Но ни в одиннадцать, ни в двенадцать часов, она не появилась. Позвонив домой, услышал минуты через две слегка осипший голос:

– Слушаю.

– Галя, ты не заболела?

– Нет, просто неважно себя чувствую.

– Опохмелись, – осторожно посоветовал муж.

– Хорошо, я подумаю, – последовал тихий ответ.

Пока Алексей разговаривал, стоя к двери спиной, в кабинет неслышно вошла Татьяна. Она всё ещё дулась; не могла простить начальнику, что жену свою распустил: позволяет ей торчать здесь целыми днями, в ресторан с ней ездит... Размазня, а не мужик.

Закончив разговор, Алексей оглянулся и увидел долгожданную нормировщицу. Брови его приподнялись, маленькие глазки радостно округлились:

– Привет! – крикнул он восторженно.

– Привет, – холодно прозвучало в ответ.

Грузный мужчина среднего возраста и малопривлекательной наружности, и молодая обольстительница с полуоткры-

тыми грудями, с минуту молча смотрели друг на друга.

– Не хочешь коньяку выпить? – нарушил паузу Алексей.

– Хм, и нашим, и вашим предлагаешь?

– Ну, Та-а-нь, – умоляюще протянул Макашин. – Это ведь жена, мать моих детей.

– Ладно, доставай коньяк, – небрежно бросила спесивая дамочка. – Он у тебя здесь?

– Здесь, – как подчиненный начальнику ответил Алексей.

– Тогда я дверь запру.

От нахлынувшего вдруг волнения грузный мужчина засуетился, как мальчик. Достал из сейфа французский коньяк, шоколад, из холодильника – икру паюсную, копчёную колбасу.

Татьяна сидела, откинувшись на диване, а её раздвинутые ноги лежали на стуле. Алексей тем временем расставил всё на столе и уже более уверенным тоном пригласил свою подчинённую откусать. Но как только узрел, в какой позе она сидит, поперхнулся.

– Иди, сядь на этот стул, – требовательно произнесла она, поставив обнажённые ноги на пол. – Нет, сначала стол ко мне придвинь.

Расторопный начальник придвинул к дивану стол, затем сел, ладонью вытирая пот со лба. Своевольная же дама, проглотив две рюмки коньяка, встала, сбросила юбочку; прошлась по кабинету в туфлях на высоком каблуке, демонстрируя великолепные ноги и... голые ягодички.

Алексей, возбуждённо покачиваясь, сидел на стуле, который потрескивал под ним, готовый вот-вот развалиться.

– Может, в твою квартиру съездим? – как бы вскользь обронила она.

– Танюша! – снова взмолился он, не имея сил отвести глаза от её прелестей. – Поздно уже, пока туда-сюда... Давай лучше завтра, а?

– Давай завтра, – нехотя согласилась Татьяна. – На завтра и всё остальное оставим.

– Да ты что, Таня? – разинул рот Алексей. – Так раззадрила и...

– И ещё подзадорю, – с блудливой улыбкой пообещала она и замедленными движениями расстегнула блузку, высвобождая белые, по-девичьи торчащие грудки.

– М-м... – в отчаянии застонал Макашин.

– Чего мычишь? – спросила Татьяна. И сооротив умильную гримаску, уселась на письменный стол. – Ладно, подойди ко мне, мой толстенький. Иди, я подарю тебе ласки Гебы.

– Ласки Гебы?! А что это за ласки?

Татьяна заливисто рассмеялась:

– Чтобы понятнее тебе было, это нектар, которым сейчас угощу. – Тут она опять залилась смехом, руками подманивая к себе.

Алексей заулыбался. А уже в следующее мгновение встал между ног темновласой дивы...

Минут через двадцать пять, всласть насмеявшись и сла-

достно переутомившись, Татьяна наконец успокоилась и доброго начальника успокоила. Немного погодя они легли на диван отдохнуть.

А пузанчик, оказывается, знал про ласки Гебы, только не ведал, что они именно так называются.

Дома Алексей застал супругу в постели, сразу почувствовав: в спальне пахнет вином. Хорошо! Разных вин на кухонном балконе мно-о-го. Поужинав в одиночестве, прошёл в гостиную и включил телевизор. Около десяти вечера лёг рядом с женой, а под её сап и сам засопел. Но вскоре проснулся от Галиного храпа; хотел её разбудить, но передумал, вдруг с ласками начнёт приставать. А лежать рядом с женой, когда та спит, было приятно. Появилось желание засвистеть по-соловьиному, запеть на всю комнату – так хорошо, вольно было на душе. «Ах, какой я молодец! А Танька, конечно, плутовка. И это здóрово, когда есть такие бес-тии, вливающие в тебя бодрость и силу. Способна ли на такое жена? Вряд ли, такое может сделать только любовница».

И снова уснул Алексей, полный радужных мыслей и увидел во сне Танюшу в том виде, в каком она предстала перед ним днём. Он даже во сне чувствовал, как от неё вкусно пахнет. И будто бы слышал её нежный шёпот и любовные слова.

Около полуночи Галина стала шарить у него под животом, как будто надеялась там нащупать бутылку водки. Алексей проснулся и, улыбнувшись, перевернулся на другой бок.

В семь утра он уже был в своём кабинете и давал указания мастерам, Татьяна находилась здесь же. Подчинённые, вполуха слушая начальника, с любопытством глазели на нормировщицу, на то, как она картинно сидит...

Около одиннадцати она предложила Алексею съездить в его однокомнатную квартиру. Однако он не был сегодня настроен на любовь, поэтому замялся. Недолго думая, Татьяна заперла дверь, подошла к Алексею, обняла. И мужская рука непроизвольно потянулась к заветному местечку, не встречая со стороны хозяйки никакого сопротивления.

Домой он возвращался не столько усталый, сколько помятый, как будто десяток «Жигулей» по нему проехали; это Татьяна преподнесла ему новые уроки любви.

В собственной прихожей он услышал женские голоса, доносившиеся из кухни. Разулся, заглянул, а там соседка жену в соблазн вводит. Галина пока выглядела вполне нормально, лишь голубые глаза потускнели чуток.

– Алёша, мы совсем немножечко без тебя выпили, – с заискивающей улыбкой встретила она мужа.

– А чего меня ждать-то, – бодрым тоном ответил он. – Я всё равно вам в этом деле не помощник.

– Ну-у, – немного смутилась жена, – без хозяина как-то неудобно.

– Да ладно, Галка, неудобно-о-бно, – обнял он её. – Неудобно штаны через голову надевать.

Соседка с обожанием смотрела на солидного мужчину, держа в руке полную рюмку водки; улыбнулась ему.

Алексей в этот вечер улыбался мало. Подливать в рюмки подливал, хотя и это лень было делать. Но тут важно было довести до нужной кондиции жену, иначе завтра на работу может приехать. А Татьяна этого набега уже не простит. Хотелось также и ночью поспать, отдохнуть от жёнушки.

Последнее вполне удалось. Галина до этого, правда, похвасталась соседке новым платьем, туфлями. Покрасовалась перед ней в модном демисезонном пальто, показала супермодные колготки, пеньюар. Та разглядывала Галинино добро с завистью:

– Молодец, Галька, твой мужик, умеет деньгú делать. Не то, что мой охломон. Хотя, если бы не пил, может, тоже трусы шёлковые купил бы. А так... Да что понапрасну говорить, видно, не судьба мне ходить в шёлковых трусах. Э-э-эх, жизнь наша бёкова, правители нас... во все щели, а нам некого. – Тяжело вздохнув, посмотрела на Макашина: «Не обиделся? Ведь чуть было не ляпнула вместо „правители“ – „начальники“. А он тоже начальник, мог бы, и вытолкать взащей».

Алексей на сказанное никак не отреагировал, а Галина с удивлением посмотрела на Евдокию. Обычно неунывающая женщина, а тут вдруг меланхолия на неё нашла.

Однако от невесёлой жизни, оказывается, и у оптимистов настроение падает. Особенно, когда соседи живут хорошо.

А каких-то два месяца назад из Евдокии энергия так и была ключом, шутки сыпались, как горох из прохудившегося мешка. Всё оборвалось, как только женщина попала под сокращение. И никто из начальства почему-то не вспомнил, что у неё стаж на одном месте двадцать восемь лет, а в трудовой книжке немало поощрений и почётных грамот.

Евдокии Андрюшиной сорок семь лет, опытная крановщица башенного крана. А как она свою работу любила, сколько разного о ней рассказывала. Чаще всего – весёлое. «Полезла я как-то на кран, а комбинезон на мне тесноватый, в обтяжку. Поднялась по лестнице метра на два, а мне снизу каменщик Васька Губанов: «Эх, Дуська, и ж... у тебя! Так бы и...» Я обернулась к нему и говорю: «Васюган, а у тебя член большой?» – «Большой», – говорит. «Вот и засунь его в свой зад, да вали себя до полного кайфа». Ох, и матерился же Василий, а мужики в хохот.

Любила Дуська пошутить. Как-то лягнула: «Я в молодости такая гибучая была, что все парни с меня соскальзывали...» Хотя и в этот вечер, утопив в водке свою печаль, она стала смешить. Ну, а потом, как водится, затянули песни.

9

Итак, Алексей был доволен: задуманный эксперимент ладился. Жене льстили ухаживания мужа, его поощрения к выпивке. Да и перед соседкой хотелось похвалиться достатком, а за рюмкой это делалось легче: рюмка раскрепощает, настроение поднимает. Выпьешь на пару с Дуськой – и к му-

жу ехать не хочется: всё равно ведь за руку не поймаешь. Да и он в последнее время изменился, стал заботливей, ласковей. Говорит: «Люблю, ничего плохого не думай». А что для бабы ещё-то надо? Не постель же главное. Но все равно подчас думается про ту красотку. Ух, вот ей бы какую пакость сделать, ведьме бесштанной! Опять же, такие мысли только в трезвую голову приходят, а выпьешь – и рукой на всё махнёшь.

Галина считала, что отпуск взяла как нельзя кстати. Настроение отличное, деньги есть, вина – залейся, на душе легко.

Алексей, уладив домашние и амурные дела, переключился на дела служебные. А тут, к сожалению, не всё гладко шло. Главная беда – перекачивание денег, «сэкономленных» за счет выгодных работ, прекратилось; или почти прекратилось. Двадцать-тридцать тонн щебня, сколько-то асфальта, десятков кубов товарного бетона сплавить – это разве заработок.

Постоянный источник, надо честно сказать, сохранился – машины. То одному частнику на неделю даст, то другому. Но в сравнении с теми десятками миллионов, это уже семечки, шелуха.

И всё же, как он был доволен своей расторопностью. Почему раньше всего этого боялся?.. Ладно, что упало, то пропало. Зато светит будущее: генеральный обещал хорошую работу – пять километров дороги в сельском районе для со-

стоятельного заказчика. До конца октября туда можно завезти песок, щебень; до белых «мух» бульдозерами пройтись. А весной следующего года – вперёд, к победе!

Наклёвывались и другие выгодные объекты. А пока... Пока думать надо, куда оставшиеся деньги пристроить. А то лежат, как покойник в гробу. Навара нет, один сладкий запах витает. И на Таньку много денег уходит: то это ей надо, то другое.

А началось всё с того, что подсмотрела однажды, когда он деньги в сейф прятал. «У-у, сколько там денег-то, – прогудела ему в самое ухо. – А долларов-то сколько». Пришлось соврать, что, кроме основной работы, на нём товарищество с ограниченной ответственностью. Поверила, заулыбалась. Хотя если что-то не по ней, сразу готова коготки выпустить. Даже когда она в хорошем настроении, всё равно чувствуешь, что находишься у неё под пятой. Тут жена правильно сказала.

Но как ни странно, именно это положение его устраивало. В Татьяне ему нравилось всё: и то, как она подходит к нему с многозначительной улыбкой, как манит его тонким пальчиком к себе на диван. И он, тяжеловесный мужик с большой головой, большим животом и чуть меньшим задом, ползёт на коленях к ней. Это у них игра такая была, когда в вагончике закрывались.

И Танюша неплохо узнала Алёшу, много чего поняла. Главное – его готовность плясать перед ней на цыпочках.

Утром двадцать четвёртого сентября, Евдокия пришла к Галине.

– Галька, пошли ко мне, а то всегда у тебя да у тебя. Негоже. Тем более, ко мне бывшая соседка пришла, хочет сказать тебе что-то по секрету. Ты только захвати там с балкончика побольше, чтобы не бегать сюда лишний раз.

Галина затарила сумку спиртным и – к соседке.

– Так, какой у нас сегодня праздник на календаре? – пошутила Евдокия, беря в руки русский народный календарь. – Ага, Федёра Замочи Хвосты. Осенние Федоры подол подтыкают от грязи, а зимние Федоры – это двенадцатого января – платком рыло закрывают от холода. Во, как сказано – рыло! Но это не про нас, у нас личики. В Федору лето кончается, осень начинается. Так что, девоньки, давайте сегодня с летом прощаться. А завтра уже будет Автоном. Кстати, змеи с этого дня перебираются из полей в леса. Наливай, Настасья! – шутливо-приказным тоном обратилась она к своей знакомой, очаровательной женщине, с не менее очаровательными светло-кариими глазами.

Настасья разлила водку по рюмкам. Выпили. Разговорились, и тут Галина узнала о том, что её муж купил однокомнатную квартиру.

– Я не верю, – возразила она, – муж обязательно бы мне сказал; здесь ошибка. А то, что он бывает в какой-то квартире с Танькой, ну... пусть даже и так. Но то, что это его квар-

тира, не верю.

– Как хочешь, – повела круглым плечом Настя, – просто я посчитала нужным рассказать тебе всё, как есть. А Танька эта хамьё. Не буду говорить, откуда я это знаю, но знаю. И её бы надо проучить, чтобы не лезла к женатым.

– Если Настя так говорит, значит, это правда, – серьёзным голосом подтвердила Евдокия. – Она не такой человек, чтобы врать.

Галина растерянно посмотрела на соседку и, поморгав ресницами, всхлипнула.

– Да ладно тебе, Галчонок, – повернулась к ней Евдокия. – Ну, кто из мужей не изменял? Только дряхлые. Вот трагедия! Хватит, успокойся. – Она прижала к себе Галину, поглаживая её. Та с трудом удержалась, чтобы не расплакаться.

– Он же на днях мне говорил, чтобы я не думала о Таньке, божился, что любит, – всхлипывая и тычась, как ребёнок, в Дусину грудь, стала жаловаться она. – Ну почему он меня обманул? Почему не сказал про квартиру? Я же ничего плохого ему не сделала. Дусь, а Дусь, ну скажи мне...

– Да хватит тебе, дурашка, хватит, – по-матерински успокаивала её Евдокия. – Перестань попусту слёзы лить, потом покумекаем. А сейчас давай-ка лучше пропустим по рюмочке, а слёзками твоими запьём вместо огуречного рассола.

Женщины вновь потянулись к рюмкам; Галина вытерла слёзы.

– Молодец! – похвалила её Евдокия. И ко всем: – Давайте,

девоньки, выпьем, чтобы дома не журились. Мужик чужую бабу поимел, эка невидаль. – Выпив и крякнув, добавила: – Как будто это первый и последний раз. Весь мир давно уже пере..., а мы на эту тему разглагольствуем. Галь, ты, что ли, с другими мужиками не трахалась? – игриво сверкнула она глазами. – Хотя ядрёное слово разок применю для хорошего дела. – Женщина лукаво улыбнулась. – Галь, чего молчишь?

– Конечно, ни разу, – смущённо ответила та.

– Ох, и врать ты горазда! – рявкнула Евдокия, потряхнув рыжеватыми волосами. – С такой внешностью, фигурой и – ни-ни? Кто тебе поверит.

– Ей-богу! – перекрестилась Галина.

– Ну и дура ты, темнота деревенская, – ласково потрепала её по щеке Дуняша. – Я хоть тоже из деревни, но с двумя мужичками удосужилась за свою жизнь. Первый был через семь лет после свадьбы, а второй... Так, дай Бог памяти. Тьфу ты, прости мою душу грешную. По такому делу и памяти прошу у Бога. Прости меня, Господи! – Женщина с серьёзным лицом поклонилась иконе в красном углу, шевеля губами молитву. – Ну вот, простил меня Бог, – посмотрела она посветлевшими глазами. – Так, значит. А второй раз я согрешила с одним каменщиком, пять лет назад, тогда мне сорок два было. Хороший был мужик, царство ему небесное, и пусть земля ему будет пухом. Был бы жив, и сейчас бы отдалась ему, а потом бы замолила грешок. Ведь Бог тоже мужик был, он понимает такие дела. Тьфу, прости меня Госпо-

ди, мелю незнамо что. Галька, так неужто ты ни разу и ни полраза ни с кем? – не отставала она от соседки.

Та густо покраснела.

– Ну, вот тебе крест перед иконой, – ещё раз перекрестилась она.

– Ну и ну, – покачала головой Евдокия. – А я-то собиралась посоветоваться с тобой, где бы раздобыть справного хахаля. Вместо своего пропойного замухрышки. Да-а, – протянула она с ноткой разочарования. – Вообще-то у тебя всё впереди. Но как найдёшь, не забывай подругу, пусть товарища приведёт. Договорились?

– Договорились, – нехотя ответила Галина.

– Ну вот, а ты, дурашка, слёзы сразу лить. Слушай! – вдруг встрепенулась она. – Так ты с чего больше расстроилась? Из-за того, что твой муж Таньку пощупал, или потому, что про купленную квартиру не сказал? – И тут же оборвала себя: – Всё, про мужиков больше ни слова, а то Галинка опять расплачется. Позднее поговорим о шалопаях и, как их лучше ставить на уши. А сейчас идёмте в залу, музыку включим, буги-вуги сбцаем.

Домой Галина пришла в начале седьмого вечера. Как была в шёлковом халате, так и улеглась в нём на постель. А то, не дай Бог, муж полезет. После всего услышанного об этом и думать было противно. «Врун, изменник, бревно закодированное...»

Алексей лежал рядом поверх одеяла, в спортивных шта-

нах, майке, с книгой в руках. Посмотрев на удивительно молчаливую жену, на то, что легла она в халате, он сначала в недоумении собрал лоб морщинками, затем осклабился, решив, что жена просто перебрала сегодня.

11

Утром она не стала готовить мужу завтрак, сославшись на сильную тошноту. Не хотелось ей теперь для него что-либо делать. Хотелось всё обдумать, расставить точки над «і». Конечно, лучше, чтобы услышанное вчера оказалось призраком, блефом. Но, скорее всего, это правда. И всё равно от всего этого хотелось избавиться. Как? Этого женщина ещё не знала, но на борьбу за мужа настроилась. Решила сегодня же найти купленную мужем однокомнатную квартиру.

Убедившись, что дети ушли, Галина встала, умылась. Взяв бутылку водки, зашла к Евдокии – выпить для смелости перед серьёзным шагом. А вернее – опохмелиться и получить благословение от рассудительной женщины.

Выпив, Дуся ещё раз посоветовала горячку не пороть, если застукает мужа с любовницей.

– Когда застанешь их, сделай вид, что вовсе не злишься, – наставляла она Галину. – Муж с этого дня будет тише воды, ниже травы, будет как шёлковый. А станешь скандалить, себе же хуже сделаешь. Но той шлюхе дай хорошенько в зубы, чтобы знала: с тобой ей лучше не связываться. А кстати, что ты своему скажешь, если застанешь с ней? Он ведь может наплести, что якобы привёл её просто похвастаться новой

квартирой. Или будто она хочет снять эту квартиру, и пришла её посмотреть.

– Дусь, я пока ничего не знаю, – честно призналась Галина. – Как буду себя вести, что скажу... В общем, ничего пока не знаю.

– Понятное дело, – вздохнула Евдокия, играя спичечным коробком на столе, – откуда тебе это знать. И мне это неизвестно. Ты вот что, – спохватилась она, – ты сегодня много не пей. Давай ещё по махонькой, и будя.

Разыскав улицу и номер девятиэтажного панельного дома, Галина посмотрела по сторонам – не стоит ли где машина мужа. Потом вошла в нужный подъезд и на лифте доехала до шестого этажа. Именно здесь, по словам Насти, находилась та самая квартира. «Где выбрать позицию для наблюдений? Ху-у... Вот ведь, когда подходила к дому, вроде не замечала за собой трясушки, а сейчас сердце трепыхается как овечий хвост. Надо было побольше выпить».

Поднявшись по ступенькам к площадке седьмого этажа, стала оттуда наблюдать. «Что сказать мужу, если встречу его с этой?.. У-у, слов нет, как её обозвать, сучку! Был бы пистолет, точно, застрелила бы бесштанную».

Ругая и обзывая Таньку-нормировщицу, Галина и сама страдала. Её бросало то в жар, то в холод. Досталось, конечно, и Алексею толстопузому.

Дрожа всем телом, она придумывала обоим жестокие каз-

ни. То вешала их вверх ногами на одной перекладине, то втыкала головами в муравьиную кучу. Но этого ей казалось мало, и она начинала мысленно кастрировать мужа, а «той» – вырезать тупым ножом лоно...

Обеденный перерыв у мужа начинался в одиннадцать, но он обычно уезжал раньше. Галина это знала и приехала без четверти одиннадцать. Сейчас было уже десять минут первого. «Значит, не приедут, – решила она. – А может, и нет у него никакой квартиры?» Спустилась на этаж, чтобы поговорить с соседями. Дверь первой же квартиры, в которую она позвонила, открыла женщина лет семидесяти.

– Извините, – обратилась к ней Галина, – мне сказали, что соседняя с вами квартира продается. Сказали, что один мужчина её недавно купил, но она ему чем-то успела разонравиться.

– Известно чем, – хмуро ответила старушка. – Я не раз высказывала ему, чтобы шалман здесь прекратили. Почти каждый день, кроме выходных, с пол-одиннадцатого и до половины двенадцатого тут на всю катушку гремит музыка. А сквозь неё эта лярва полоумная верещит. Надо же – сначала пьяница тут жил, под гармошку матерные песни орал, а теперь эта девка. Орёт, орет минуты две, перестанет, потом как заверещи-и-т! Аж мороз по коже. Сегодня вот не было, хорошо. А что, неужто продает он квартиру?

– Сказали: продаёт. Его Алексей Николаевич зовут?

– Да, так зовут. Солидный такой. Сам-то солидный, а эта

горлопáнка молодая...

– Спасибо вам, – пытаюсь выглядеть бодрой, улыбнулась Галина. – Так он бывает только в будни здесь, а в выходные не появляется? – спросила просто на всякий случай, поскольку других вопросов не было, да и не хотелось больше ничего. И так всё ясно.

– Да, только в будни, в выходные ни разу не появлялся. Если бы появился, я бы на него сына боксера натравила, он на выходные ко мне приходит. Теперь уж ладно, не буду.

Галина поблагодарила женщину, а спускаясь по лестнице, подумала о ней. «Странная какая-то. То ли из категории раздражительных, вечно недовольных всем, в том числе и соседями, то ли мой муженёк и впрямь закатывает здесь с этой стервой такое, что хоть из дому беги».

Домой вернулась опустошённая: не хотелось ни есть, ни пить. Походив по квартире, легла на кровать; тело казалось безжизненным, невесомым, в голове – пустота. Только в ушах стоял тихий звон. Неподвижно пролежав около часа, поднялась – захотелось вдруг проверить ящики письменного стола, тумбочку и вещи в платяном шкафу.

Ни в ящиках, ни в тумбочке ничего подозрительного не оказалось, зато в старых брюках мужа нашла тысячу долларов. Там же покоилась пачка в пять миллионов рублей. Дальнейшие поиски помогли обнаружить в куртке дорогого супруга три новых ключика. «Неужели это от той квартиры?»

Деньги, ключи... «Откуда у мужа такие суммы?!» Подобных деньжищ Галина и в руках никогда не держала. Она положила американские и российские купюры на кровать, полюбовалась ими со стороны и решила не отдавать Алексею. «Вдруг он к Таньке уйдёт, с чем я тогда останусь? Нет, скажу: не видела, не брала, не знаю».

Минут через десять, кое-как успокоившись, Галина уже сидела у Евдокии на кухне. Она рассказала, как нашла улицу, дом и саму квартиру. Как больше часа поджидала мужа с Татьяной и не дождалась. Сказала и про ключи, будто обнаруженные в письменном столе. Может, от той, а может, и от другой квартиры; про деньги умолчала.

Соседка разогрела картошку, выставила на стол солёных огурцов, хлеб. Вскоре пришёл с работы муж-сантехник. У него в пол-лица желтоватые зубы оголились, когда увидел жену и соседку с рюмками в руках.

– Вася, ты никак трезвый сегодня? – удивилась Евдокия. – Что, неужто и на шкалик не удалось зашибить?

– Не, – коротко бросил он.

– Ладно, иди руки мой, так уж и быть, нальём стаканчик.

Незаметно, за двумя бутылками водки, пролетело время. По сложившейся традиции, спели несколько песен. Около девяти вечера Галина уже лежала в спальне под своим одеялом, естественно, в халате. Алексей штудировал книгу «Тайна любви и секса», которую перед отпуском усердно читала жена.

На следующий день, по уже укоренившейся привычке посидев с Евдокией за кухонным столом и выслушав её новое напутствие, Галина направилась решать свою судьбу.

Возле знакомой девятиэтажки, она сразу же заметила машину Алексея, хотя не ещё и было одиннадцати. Сердце вдруг затрепыхалось, как полотнище на ветру. Пытаясь успокоиться, сделала три глубоких вдоха, но только закашлялась. В волнении поднялась на шестой этаж и услышала музыку из той самой квартиры. На миг вообразила в постели любовную парочку, почудились даже страстные стоны и крики Татьяны; в глазах потемнело. Галина боялась, что с ней произойдёт что-то ужасное: либо она упадёт в обморок, либо в истерике начнёт ломиться в дверь.

С трудом сдержав себя, вставила ключ в замок, два раза повернула и, шагнув, оказалась в тесноватой прихожей. Из комнаты в эту минуту донеслось женское воркование:

– Пампушечка ты моя сдобная, бублик ты мой самый вкусенький. Большое тебе пребольшое за дорогой подарок.

Галина, не помня себя, ударила ногой в дверь, та отлетела. И перед бешеным взглядом обманутой жены, открылось следующее: её муж, безоблачно улыбаясь, смотрит на Татьяну. А та, в наброшенной на голое тело серебристой норковой шубке, вертится перед ним в чёрных туфлях на высоком каблуке.

Повернувшись на шум, они оба застыли с открытыми

ртами. Первой опомнилась любовница. Метнув на Алексея недобрый взгляд, спросила:

– Это как понимать? Ты что, специально пригласил жену, чтобы втроем обмыть дорогую покупку?

В следующее мгновение, злорадно ухмыльнувшись, она подошла к широкой тахте и легла на спину, раскинув ноги.

Всё это, конечно, поразило Галину. Но больше поразило не то, что муж был голый, а то, что на плечах у нормирующей была норковая шубка, о которой Галина не могла даже мечтать. Не придумав ничего лучшего, она решительно подошла к мужу и со всей силы ударила его ладонью по щеке. Алексей болезненно сморщился, мотнул головой. Вслед за этим Галина шагнула к Татьяне, собираясь и ей отвесить оплеуху или дать хорошенько по зубам, как советовала Евдокия. Но Татьяна молниеносно приподняла правую ногу, приготовившись дать отпор.

Увидев предупреждающее движение и отвратительную улыбку на лице блудницы, Галина плюнула в неё, надеясь попасть в срамное место. Однако плевок угодил на животик. Тогда оскорблённая супруга плюнула в ненавистное лицо, но, к сожалению, опять промахнулась, поскольку Татьяна успела закрыться шубкой. Разъярённая Галина повернулась к мужу, плюнула в его висевший между ног «огрызок» и кинулась за дверь. Следом за ней полетел громкий женский хохот.

Как она ехала домой, Галина почти не помнила. Только

переступив порог квартиры, кинулась на кухню и выпила полный стакан водки. К сожалению, спиртное не подействовало: видно, душевная горечь поборола горечь винную. Посидев минут пять, вскочила и нервной походкой подошла к телефону. Захотелось немедленно отомстить изменнику – мужу, миллионеру, который тратит деньги на потаскух. Набрав милицейский номер, она заявила, что её муж – жулик; у него на работе весь склад забит ворованным коньяком, водкой и т. д. О валюте и миллионах, обнаруженных в карманах у мужа, предпочла не говорить.

Рассказав про мужа всё, что знала и о чём могла лишь догадываться, сообщила его рабочий телефон, указала, где находится вагончик и ответила на вопросы. В заключение попросила не говорить мужу об этом звонке.

Покончив с откровенной авантюрой, Галина переделалась в домашний халат, выпила ещё стакан водки, закусил чёрной икрой и, то и дело, вызывая в памяти голую Татьяну в норковой шубке на плечах, легла на заправленную кровать в спальне. Вскоре перед глазами всё поплыло, хохочущее лицо Татьяны чередовалось с печальными глазами мужа, который смотрел куда-то вдаль. Наконец Галина провалилась в чёрную бездну – уснула. Часы показывали полдень.

Шок от внезапного появления Галины у любовников быстро прошёл. Диким хохотом проводив жену своего начальника, Татьяна встала с тахты, скинула с плеч шубку.

С улыбкой сымитировала плевков в сторону растерянного Алексея:

– Пойду дверь запру, – певучим голосом проговорила она. Вернувшись, обмыла заплёванные груди и живот шампанским. Присев на корточки, стала обмывать изрядный живот Алексея:

– Да, на такой богатырский сосуд даже бутылки шампанского не хватит, а озверевшая баба хотела слюнями заплывать. Не дрожи, мой хороший, живот уже чистый. Теперь помоем то, что пониже.

Алексей, вздрагивая и похохатывая от приятных прикосновений, тянулся к Татьяниним грудям.

– Здорово, мой милый, тебя жена напугала, – усмехнулась Татьяна. – Пойдём на кухню, тебе коньяку надо выпить, чтобы окончательно прийти в себя.

– Танюш, я же за рулём.

– У меня в твоей машине «антиполицай» есть, не хрена бояться. Да и шубу надо обмыть. Нет, мой миленький пампунчик, давай вместе выпьем. Я напиться сегодня хочу.

– Танчик, но я же не пью, мне нельзя.

– Ах, да! – всплеснула руками Татьяна. – Я и забыла, что в тебе код заложен. Ай-яй-яй, после встречи с твоей женой у меня словно память отшибло. Хорошо, одна буду пить.

Выпив большую рюмку коньяка, греховодница поманила начальника за собой, интригуя его не только зелёными лучиками глаз, но и возбуждающими подёргиваниями ягодиц.

Алексей, сладострастно сопя, двинулся за ней в комнату.

Было в Татьяне что-то такое, чего недоставало Галине. Хотя Галина, пожалуй, пофигуристей этой вертихвостки. А недоставало ей лукавства, постельной техники, тех выкрутасов, которыми и восхищала Татьяна Алексея.

Да, умела Танюша будить в мужчинах сексуальные позы-вы, умела обольщать. Виделось в ней что-то дерзкое, нахальное, строптивное. Сложная натура, может, оттого и притягивала. Но если ей что-то не по душе, она так ногами брыкалась, так зубки показывала, что боже упаси. А через минуту – вдруг милейшая улыбка на лице, кокетливо плечиком водит, упругим животиком трётся. Мужчина немедленно таял, как сливочное масло на горячей сковороде.

Обычно Алексей не кричал в постели, а с ней случалось. Хотя закричишь, когда кажется, будто спинной мозг из тебя высасывают. Бывало и другое, когда тело начинало покалывать, будто слабым электрическим током. Спасение Алексей находил одно: брал руки Татьяны в свои, и покалывание с ходу прекращалось.

...Ополоснувшись под душем, Татьяна пошла на кухню. Налила шампанского, набрала в рот, пополоскала им горло и выплюнула в раковину. Пригласила утомлённого Алексея; однако утомишься, поскольку каких только «блюд» ему не пришлось попробовать.

– А я и не догадывался о таком разнообразии, – тихим, хотя и восхищённым голосом произнёс он.

– Да? – удивилась Татьяна. – Про это сейчас во многих книгах пишут. Неужели не читал?

– Читал. Но читать – это одно, а на практике намного лучше. Здесь всё живое, всё это чувствуешь.

– Ты прав, – улыбнулась Татьяна. – Завтра, – начала было она, но заметив, как переменялся в лице Алексей, поправи-лась: – то есть через день-другой, повторим. Хорошо?

Через минуту спросила:

– Значит, понравилось?

– Слов нет! – заверил он. – Но устал я смертельно.

Закусывая шоколадом коньяк, Татьяна предложила:

– Иди, отдохни часок.

– Танчик, на работу надо, я лучше одеваться пойду.

– Смотри. Тогда я тоже оденусь.

Вскоре Алексей запирает свою однокомнатную квартиру, а Татьяна с большим пакетом, в который была завернута нор-ковая шуба, поджидала его у лифта. На ней был белый пу-шистый свитер, чёрная мини-юбочка на пуговицах и чёрные туфельки. И, конечно, под свитером и юбочкой – ни-че-го.

В машине Таня нежно заворковала:

– Алёш, я уж не пойду на работу сегодня, ладно? Я на са-мом деле, кажется, опьянела.

– Ладно, – кивнул он. – Но завтра жду тебя с утренним поцелуем.

– Хорошо. – Татьяна выглянула из машины. – Алёш, давай завернём на минутку к моей матери, я там шубу оставлю.

А то муж начнёт гнусить, где столько денег достала, то да сё. Хотя мне наплевать на его бормотания, но всё равно тошно будет слушать. А когда получу кварталку, скажу, что раньше откладывала, плюс премия, плюс родители дали в долг.

Около часа дня Алексей был на рабочем месте. «Хорошо с Танюхой, а домой после работы идти надо, – с горечью в душе думал он. – Как встретит жена? Только бы детям ничего не говорила. Если скажет, то сын может и спросить: „Пап, ну как же ты мог?“ А как ему объяснить, что я не только отец, но ещё и просто мужчина. Мужчина, который не устоял перед красивой молодой женщиной».

Он разговаривал по телефону, когда к нему вошли двое в милицейской форме, капитан и майор. Увидев их, Алексей невольно уронил трубку. Появления правоохранительных органов он не исключал, однако мысли об аресте, уголовном деле и суде, отгонял как назойливых мух. И партнёры по «бизнесу» уверяли: всё железно, никто и никогда не узнает; чего волнуешься? И он соглашался с ними, успокаивал себя: «Другие воруют и ничего, авось и у меня сойдёт».

– Вы Макашин? – спросил майор.

– Да, а в чём дело? – воззрился на него Алексей.

– Откройте нам склад и покажите, что там хранится.

– Пожалуйста. – Алексей медленно встал. Он всё понял; сердце болезненно сжалось, в голове заметались панические мысли. Кто и когда мог донести? Откуда милиция знает, что

у него на складе не совсем то, что там должно быть?

– А разрешение у вас есть? – с трудом выговорил он, словно язык клеем обмазали.

– Вы думаете, мы на вас приехали посмотреть? – усмехнувшись, ответил капитан. – Всё у нас есть.

Алексей медленно направился к складу, не зная, как себя вести, что говорить. А тяжёлое, вялое тело, стало ещё тяжелее и сонливее. Офицеры милиции пересчитали ящики и коробки с коньяком, водкой, консервами... Капитан в удивлении сказал:

– Склад маленький, а добра много.

– Быстро говорите: кто привозил, когда, фамилии! – требовательно произнёс майор.

– Никто не привозил, сам купил, – робко ответил Алексей.

– Ладно, выясним, – сказал майор. – Пройдёмте в вагончик.

Алексей, словно полусонный, поплёлся назад, в вагончик. Садясь за стол, на короткий миг остановил взгляд на сейфе. И этого было достаточно, чтобы вызвать подозрение у бдительных стражей порядка.

– Откройте сейф! – приказал майор.

«Значит, всё знают, – отрешённо подумал Алексей. – Но кто, кто донёс? Танюха не могла, про все мои делишки только прораб догадывался. А один раз, кажется, видел деньги, когда я открыл при нём сейф. Он, больше некому, давно уже на моё место метит».

Офицеры ахнули, когда увидели перетянутые резинками купюры самого разного достоинства.

Через некоторое время Макашин выходил из вагончика сам не свой: лицо багровое, крупные капли пота казались такого же цвета, как будто пропитались кровушкой; волосы на голове вместо кренделюшек смотрелись неким чёрным капустным листом, вымоченном в солёном поте. Подходя к милицейскому «УАЗику», Алексей краем глаза увидел соскочившего с подъехавшей «Татры» прораба.

– Николаич, ты скоро вернёшься? – спросил тот. – Надо один вопросик согласовать.

Начальник исподлобья посмотрел на прораба, и вяло буркнул:

– Не знаю.

Это случилось в четырнадцать часов пятьдесят минут 26 сентября 1995 года. В русском народном календаре на этот день значился Святой Корнилий. И примета: Корнилий святой – из земли корневище долой.

В милиции майор предупредил Макашина, что чистосердечное признание смягчит его вину.

– Тем более мы следили за вами последнее время, – взял он на «пушку» подозреваемого. – Поэтому в ваших же интересах говорить чистую правду. А если что-то скроете, только себе хуже сделаете. Были судимы?

– Нет, – тихо ответил Алексей.

– Это хорошо, – кивнул майор. – Давайте так сделаем. Я

вас сейчас оставлю одного, дам бумагу, ручку. А вы, не торопясь, со всеми подробностями, запишите свои объяснения. И не забудьте указать названия частных фирм, хотя мы их тоже знаем, – подчеркнул он, – куда при вашем содействии поступали деньги. В общем, всё опишите так, как было. А после этого я отпущу вас домой.

Часа через два майор вернулся. Ознакомившись с письменным объяснением Макашина, он начал задавать ему уточняющие вопросы. Затем попросил его расписаться, при этом пошутив: «Без бумажки мы букашки...» И распорядился препроводить задержанного в камеру предварительного заключения (КПЗ).

– Как? – удивился Макашин. – Вы же домой обещали отпустить?

Майор не удостоил его ответом.

– А вышестоящих, моё начальство, например, почему не сажаете, кишка тонка? – спросил новоиспечённый задержанный.

– Всему своё время, – уклончиво ответил майор. И вышел из кабинета.

13

Проснувшись в седьмом часу вечера, Галина встала и, убедившись, что мужа нет, мысленно обругала его: «У, индюк толстозадый, с этой стервой, небось, прохлаждается».

Злость вернулась к ней с новой силой, хотя и говорится: «Злом за зло не воздавай», «Во зле жить – по миру хо-

дить». Галина помнила эти и другие пословицы. А недавно прочитала, что мужчины, родившиеся в год Крысы, Обезьяны и Дракона все странные и непредсказуемые. Почему-то всплыли отдельные обрывки из биографии Петра Первого, родившегося в год Крысы. Тот был живым, красивым мальчиком, а в дальнейшем подурнел из-за сильного нервного расстройства, причиной которого были либо детский испуг, либо слишком часто повторяющиеся кутежи.

Кстати, у двенадцатилетней Галины однажды тоже случился испуг. Это произошло, когда она мылась в деревенской бане. Галя только что намылила голову, как в бане появился голый мужчина с чёрной бородой. Увидев его, она перепугалась, а мужчина, страшно осцериив зубы, с ходу повалил её на пол...

Деревенская девочка, слава Богу, была рослая не по годам, крепкая. Закричав во всё горло, она стала изворачиваться, вцепилась в бороду мужику; тот зарычал от боли. И в этот момент Галя выскользнула из-под него. Помогла, наверное, мыльная пена. Не растерявшись, она плеснула в лицо насильнику кипятком из ковша. К счастью для него, почти всё лицо скрывала борода. И всё равно он взвыл. А Галя, зачерпнув второй черпак, плеснула ещё, в этот раз на самое болезненное место – причинное.

Обезумевший дядька подскочил, стукнувшись головой о низкий потолок и выскочил из бани. На всякий случай Галя набрала ещё ковш кипятка. Но незнакомый бородач больше

не появился. Только тут, оправившись от потрясения, девочка заплакала навзрыд.

Об этом случае Галинка никому не рассказала, она и боялась и стыдилась, как будто её впрямь изнасиловали. Но вспоминала довольно часто. И вот опять вспомнила. Почему? Возможно, просто с похмелья, по каким-то странным ассоциациям. А может, была иная причина, кто знает. У Петра-то был либо детский испуг, либо кутежи, а у Галины – точно, без всяких «либо»: в детстве был испуг, а с недавних пор начались кутежи. Сейчас в искажённом спросонья сознании злость мешалась с воспоминаниями. Путаная стёжка вывела её к мужу. Может, она сыграла с ним злую шутку не со зла, не специально, а случайно, с пьяных глаз? Может, чёрт в образе Таньки её попутал? Поди, теперь, разберись.

В этот вечер Галина к соседке не пошла. Подождав, не появится ли муж, она лишний раз убедилась, что домой он не торопится. Значит, тешится с Танькой. И опять вскипела злостью. Про свой телефонный звонок в милицию она забыла, да и не придавала ему большого значения. Думала, ну пригласят мужика на разговор, ну пострашают. А он труслив, ну и... от испуга тут же любовницу свою забудет. Правда, в глубине души мечтала, чтобы посадили мерзавца суток на пятнадцать, как за мелкое хулиганство. Вот тут он точно забудет обо всём, в том числе и про эту ведьму, Таньку.

В начале восьмого вечера раздался телефонный звонок. Галина с неохотой вышла из кухни, где только что собира-

лась поужинать и сняла трубку. Незнакомый мужской голос сначала поинтересовался, с кем разговаривает, а потом сообщил, что гражданин Макашин задержан по подозрению в присвоении государственного имущества. Не дослушав, Галина спросила с любопытством:

– Ему сколько дадут, пятнадцать суток?

– Статья предусматривает до десяти лет, – бесстрастно ответил мужчина на другом конце провода.

– Сколько, сколько? – испуганно воскликнула Галина. – Десять лет? Это как же?

– Вот так, не надо воровать! – послышалось в трубке. Через секунду голос добавил, что у гражданина Макашина, кроме винно-водочной продукции и прочего добра, изъято из сейфа семь тысяч долларов и двенадцать миллионов рублей. А за это и десяти лет мало.

– За что? А... – Галине хотелось спросить: «А откуда у мужа такие деньги?» Но горло перехватило, и она умолкла, а затем, повесив трубку, качаясь, пошла к кровати. Её сильное тело вдруг ослабло. «Как же это я обмишулилась? Надеялась, что дадут суток пятнадцать, тем дело и кончится. А тут – десять лет! Он что, отъявленный жулик какой? Подумаешь, водка с коньяком, за это бы и десяти суток хватило. Но откуда у него семь тысяч долларов и двенадцать миллионов рублей?! Да дома вчера нашла ого-го! Где он золотую жилу-то раскопал? Ну и ну-у. Машину купил, детям вперед за год учебы заплатил, одел их. В квартиру кой-чего

поднакупил, меня одел. Да ещё однокомнатную квартиру купил! И всё равно целая прорва денег осталась. А-а, ещё ведь и шубу норковую этой шкуре подарил. Но не украл же он эти семь тысяч и двенадцать «лимонов»? Значит, за дело кто-то дал. Ну ладно, за это ещё бы суток двадцать добавить, чтобы не брал лишнего. А тут на-ка – десять лет! О-о-й, Господи, неужели я во всём виновата? Вот что значит жить с завязанными глазами, газет не читать. Там ведь, наверное, про такие дела пишут. А по телевизору с законами не знакомят, там одни сериалы.

Слышала когда-то, что за мелкие делишки давали пятнадцать суток, думала, и сейчас дадут не больше. Эх, неразумная баба ты, Галька. Конечно, если бы не норковая шуба, не взъерошилась бы так. Остальное можно простить, пообещал бы не встречаться с нормировщицей, всё простила бы. Зря всё же позвонила в милицию, надо бы сначала поговорить с ним, после того как застала их голенькими. Пострашала бы милицией: мол, смотри, когда пятнадцать суток схлопочешь, из начальников вытурят. О-о-й, ну зачем же я сразу за телефон?! Да ещё женой представилась. Вдруг ему скажут, что это я натрезвонила? Да нет, не должны; там же не идиоты, думаю, сидят. Нет, не скажут».

Мало-помалу успокоившись, Галина встала и пошла на кухню подогреть суп. А заодно выпить рюмочку.

Однако за рюмкой она опять вернулась к мыслям о муже. «Чего вот детям-то сказать? Прямо в лоб им ляпнуть, что от-

да посадили? Перепугаются бедные. Чего же сказать-то им? Вот ведь задача. Ну, кругом невпротык».

Наконец Галина решилась – собрала на кухне детей, помолчала и скорбным голосом начала:

– Дети, отца-то нашего в тюрьму посадили... Двенадцать миллионов рублей и семь тысяч долларов у него на работе нашли. Уж как они к нему попали, не знаю, милиция сейчас разбирается.

Сын и дочь слушали, широко раскрыв глаза. Не завизжали, не заплакали. Слушали.

– А отца надолго грозят посадить, – продолжала Галина. – Ума не приложу, откуда он такие деньги пригрёб? Машину до этого купил, в дом разного натаскал...

Об однокомнатной квартире умолчала: незачем детям об этом знать. «Надо и Дуське сказать, чтобы не проговори-лась». Дети с большим вниманием выслушали мать и, молча, поникшие разошлись по своим комнатам. Правда, сын на пороге остановился и спросил:

– Ма, а на следующий год за учёбу, где денег возьмём?

– Где возьмём, – пожалала плечами мать, – дворниками устроимся, подрабатывать будем.

Утаила она, что нашла крупную сумму денег в отцовских штанах. «Ничего, пусть начинают приобщаться к труду, от этого ещё никто не умирал. Вон какие упитанные, женихаться каждый день горазды. А учиться и заочно можно, если тяга не пропадёт».

Проводив детей задумчивым взглядом, Галина с облегчением перевела дух, словно пудовый камень с души свалила. «Почему такая лёгкость, откуда? – удивилась она. – Как будто железный панцирь с себя сбросила. Неужели муж давил, сковывал, а теперь, когда его нет, новая, вольная жизнь началась?»

Почувствовав себя свободной, упорхнула в свою комнату. Раздевшись догола, подошла к зеркалу, полюбовалась красивым телом. «И чем я Лёшку не устраивала, почему потянулся он к этой потаскухе. Неужели я хуже её? У меня и груди выше, и талия тоньше, и ноги краше. Бёдра и попочка вообще на загляденье. А „шапка-чернобурка“ какая! – Тут женщина ласково погладила низ живота. – Нет, с такой фигурой и прочим только на выставку в Москву. Там бы я... Да что говорить: красавица, как с картины. Одни глаза чего стоят, если подмигну кому, тут же побежит за мной, не раздумывая. Зря он на ту позарился. А может, приворожила она его? Заплатила какой-нибудь колдунье копейки, а с моего миллиона содрала. У-у, сучка, надо бы шубу вырвать у неё. Чего растерялась, чего расплевалась, не пойму».

Походив перед зеркалом, полюбовавшись собой, Галине вдруг мучительно захотелось любви. Так бы вот сейчас и нырнула под мужика. Столько лет была верна своему кабану, столько лет сдерживала порывы.

«А ведь заглядывались на меня красавцы, – вспоминала она. – Нет, даже мысль об измене гнала. Хотя могла бы при-

голубить, приласкать так, что у мужика искры из глаз посыпались бы от удовольствия. А чё Лёха, только последнее время разбередил, а до этого одно умел – пыхтеть да потеть. Раззадорит свинья жирная и набок. В кино бабы под мужиками воют, мне тоже хотелось бы повить. Нет, надо найти утешителя назло Лёшке. Попробовать, как там, в этих эротических фильмах или книгах. Хватит мечтами жить, пора к практике перейти. Муж после своей измены запретить мне не имеет права. Сам имел? Вот и я теперь буду иметь. Евдокия тоже мечтает о справном мужичке. А я что, хуже Евдокии? Так приласкаю, что в сладкий озноб кинет мужика... Всё, с завтрашнего дня начинаю новую жизнь. Тряхнуло меня сегодня? Тряхнуло. Даже не то, что тряхнуло, а будто молнией прошило насквозь. Думала, каюк, умру у телефона. Но ничего, оклемалась. А с вином надо завязывать, что это я взялась пить! И надо же, ведь уже потребность стала появляться. Ну и ну, не насмотрелась на уличных пропойц, самой захотелось в их ряды. А что, так бы и спилась; что-то тут нечисто, наверно, и меня, как Лёшку, напоили какой-нибудь заразой. Его чтоб к Таньке тянуло, а меня – к вину. Лялю вам вместо меня, чернокнижники. Тьфу на вас, черти косолапые! Тьфу, тьфу, тьфу!» Галина возбуждённо заходила по комнате, суеверно плюя в каждый угол, чтоб нечистая сила отвязалась. Затем сбросила с ног белые туфельки, а на плечи, накинув шёлковый халат, направилась на кухню, чтобы выпить... нет, не водки, а бокал минеральной. Вернувшись в спальню,

неторопливо разделась и с улыбкой облегчения нырнула под одеяло.

«Обязательно завтра в церковь схожу за святой водичкой, – подумала, смежая веки. – В квартире побрызгаю, попью её вместо водки. А водку пусть Евдокия пьёт со своим оборванцем».

Почти засыпая, Галина снова вспомнила о муже. Где он? Чем в эту минуту занимается? Дома его нет и, может, целых десять лет не будет. Что же, значит, на роду так написано у него. А ей, Галине, надо выживать в новых условиях, надеяться не на кого, кроме как на себя. А он, тварь жирная, душу её испоганил. Вновь, словно на экране, увидела млеющую парочку: муж и Танька, и оба голые. И снова горло у Галины перехватило. «Подлые скоты вы! – зло прошептала. – Нет, никогда тебя не прощу изменник, врун, подлец, и вообще... теперь я сама буду изменять тебе, да так, что небу станет жарко. А ты сиди там, как зверь в клетке, кайся. Сам виноват!»

В это же время в КПЗ, на нарах, у Макашина началась новая жизнь с традиционными вопросами: «Какая статья? За что?..» Не обошлось и без «подсадной утки», подосланной следователем. Прикинувшись кроткой овечкой, якобы страдающей по той же статье, что и Макашин, он «посвойски» начал выпытывать у Алексея разные детали и подробности. Макашин с трудом на какое-то время отвязался

от него. Приятней было слушать про вольную жизнь, о которой говорили сокамерники и, отключившись, мечтать о благополучном исходе. Впрочем, все в этих стенах живут надеждой. Кто-то уповает, что ему дадут условно, кто-то на то, что статью переведут на более «мягкую». А кто-то молит Бога, чтобы к «вышке» не подвели.

14

Новая жизнь началась и для Галины Макашиной. Утром двадцать седьмого сентября, она поехала в церковь за святой водой. Вернувшись, побрызгала в квартире, отпила несколько глоточков. И с очищенной таким манером душой, решила зайти к соседке. Евдокия обрадовалась встрече:

– О, ты где это запропастилась, дорогúша? Или нашла уже ухажёра?

– Куда я запропастилась, – горько улыбнулась Галина. – Только один вечер и не встречались.

– Ладно, рассказывай, – толкнула её в бок Евдокия, – как съездила вчера. Или опять их не было?

– Были, – нахмурилась Галина. – Но я им плюнула в морды и убежала, стыдно было. – Про норковую шубу она почему-то умолчала.

– Значит, подошли те ключи? И квартира, стало быть, его?

– Да, – ещё более сникла Галина.

– Ну и ну. Откуда у людей такие деньги? – поджала губы безработная Евдокия.

– Так, какой сегодня праздник? – вдруг засуетилась она,

взяв с подоконника русский народный календарь. – Ага, сегодня Воздвижение. Так-так... Много тут написано, даже про пироги с капустой. Ну, пирогов у меня нет, а кочан капусты найдётся.

Галина с улыбкой смотрела на Евдокию, зная, куда она клонит.

– Ну что, милая, может, по рюмочке? – вкрадчиво спросила та.

– Дусь, с сегодняшнего дня я не пью, – застенчиво улыбнулась Галина.

– Как?

– С сегодняшнего дня я пью только святую воду. – Увидев, как лицо Евдокии вытянулось от удивления, Галина пояснила:

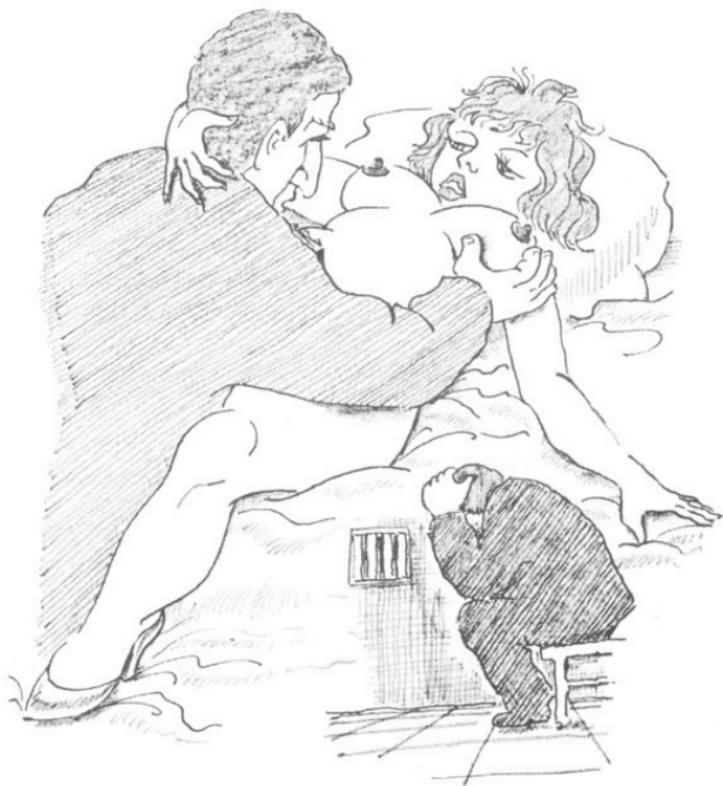
– Вчера Алексея в тюрьму посадили, денег у него много в сейфе нашли.

– Да-а? – ещё более поразились Евдокия. – Вон что. Значит и маши-и-на, и кварти-и-ра – на воровские деньги куплены? Ну и Алексе-е-й. – Глубоко вздохнув, Евдокия то ли с укором, то ли с жалостью посмотрела на соседку. – Да, Галинка, нелёгкие для тебя наступают времена. А сколько у него денег нашли?

Услышав ответ, схватилась за сердце:

– Вот это жук навозный, ыгы-ы! Значит, статья ему громкая будет. Ладно, иди за бутылкой, – снова ожила она. – Ты пей воду, а я глотну водочки. Потом тебе советы буду давать,

а то на сухую ни одна умная мысль не забредёт в голову.

Пожав плечами, Галина удалилась за бутылкой, Евдокия же стала разогревать картошку; нарезала хлеба, достала со дна трёхлитровой банки огурцов. Минут через десять, приняв пару рюмок, стала обсуждать ситуацию.

– Я такие дела зна-а-ю, – уверенным тоном заявила она. – У меня младшего брата посадили на три года в прошлом го-

ду. И украл-то всего две тонны меди с завода; дал взятку на воротах, его и пропустили. Один раз удалось, а на второй попытке прихомутали. А у твоего вон какие деньги нашли, да окромя этого машина, квартира... Так что, соседushка, теперь слушай меня. Первое: надо спрятать дорогие вещи, золотишко разное. Второе: что можно продать, срочно продавай, потом поздно будет. У вас ведь гараж, дача. Что ещё?

– Ничего, – глядя испуганными глазами на подругу, ответила Галина.

– Дача с гаражом за кем числится?

– Дача на мне – это садоводческое общество медиков. А гараж на нём.

– Плохо, что гараж за ним числится, а то бы и его продать.

– Зачем продавать-то?

– Потому что всё конфискуют, – раздраженно ответила Евдокия. – Оставят вам с детьми по кровати, да разную мелочь. Хорошо, что квартира у вас не приватизированная, а то бы и её разодрали.

– А может, не будут конфисковывать?

– Жди, – недовольным голосом ответила Евдокия. – Найдёшь ты зайцев в волчьей стае. Сегодня же все ковры, новые обувки, одёвки спрячь. Часть ко мне перенесём, остальное – по хорошим знакомым. Чтобы ничего не осталось ценного. Слышишь?

Галина молча кивнула головой, хлопая ресницами.

– Идея! – воскликнула вдруг Евдокия. – У меня есть

родственница нотариус, ходовая девка. Я сегодня же схожу к ней, может, она дарственную задним числом оформит. Как будто твой муж позавчера тебе дарственную сделал на гараж. А он потом скажет, дескать, чувствовал, что могут посадить, поэтому и оставил. Кто докажет? Никто. Мало ли чего он чуял. А может, сон плохой приснился. Та-а-к, – с явным удовлетворением протянула Евдокия, – по такому поводу пропустим. Будешь?

– Нет.

– Смотри, сноха, тебе жить. – Выпив ещё две рюмки и торопливо закусив солёным огурцом с картошкой, Евдокия поднялась.

– Всё, пора дела делать. Да! – спохватилась она. – Сегодня же присмотрись к объявлениям, обязательно найдёшь покупателя на дачу. И цену не загибай. Деньги потом спрячь у кого-нибудь, в сберкассу не клади, а то тоже лапу наложат. Управиться тебе надо со всеми делами в два-три дня. А то, не дай Бог, придут описывать имущество – считай какую. И спиртное с твоего балкона надо на мой перенести...

Буквально через три часа, квартира Макашиных резко обеднела, даже посуда почти полностью исчезла. Часть имущества перекочевала к соседке, остальное – к её знакомым и знакомым Галины.

Евдокия разыскала троих крепеньких пенсионеров из соседнего дома, пообещав им четыре бутылки водки с закуской. И они охотно припрятали у себя кое-какие вещи Мака-

шиных. А в начале шестого вечера, Евдокия уже принесла чистые бланки от нотариуса.

– Твоё счастье, Галинка, – тараторила она, – что Алексей пока при милиции сидит. Если в тюрьму увезут, то всё: моя родственница не пойдёт на уголовщину. Твоя задача на завтрашний день... – Евдокия окинула соседку завистливым взглядом. – Эх, мне бы твой возраст и красоту, тогда бы передо мной все лягавые на задних лапках стояли. В общем, так, красавица: хочешь, чтобы гараж дарственно перешёл тебе, завтра же добейся свидания с Алексеем. Возьми с собой дорогого коньяка, икорки, если осталась, и охмуряй ментов. Скажи, с мужем хочешь любовью заняться перед долгим расставанием. Ну и так далее. Да не забудь сухарей Алёшке в рюкзак натолкать, сала, колбасы копчёной, сахару, чаю. Прости его за Таньку, будь поласковой с ним – и гараж будет твой. Кстати, дарёное даже Президент не сможет конфисковать.

На следующее утро Галина разыскала в милиции капитана Краёва, к которому ей посоветовали обратиться. Тот, с интересом окинув взглядом очаровательную женщину, стал слушать её. Галина пообещала ему коньяка с икрой, однако капитан остался непреклонным. Услышав, что Галина хотела бы разок согрешить с мужем, поскольку они надолго расстаются, и, увидев её смущённое лицо, невысокий капитан нагло вато ухмыльнулся:

– Это возможно, но... с одним условием.

– С каким? – Галина выжидающе посмотрела на его длинноносое лицо.

– Сначала вы «согрешите» со мной.

– Да вы что? – возмутилась женщина.

– В таком случае разговор окончен.

– Давайте я вам денег лучше дам.

– Никаких денег, можете быть свободны, – пренебрежительно бросил капитан.

«Что же делать-то? – внутренне заметалась Галина. – Никогда ни с кем не позволяла, а тут эта носастая уродина. Да так вот прямо и открыто, ну и нахал. Начал бы издали, я бы, конечно, поломалась для видимости и с оговорками согласилась. Нет, но с таким носатым... Лучше предложу ему тысяч сто. У-у, мент лягавый! Евдокия уверяла, что они встанут передо мной на задние лапки, а мне вот самой приходится. И, возможно, не только на лапки, но и на карачки, если захочет. А куда денешься?»

– Давайте я вам, кроме коньяка и икры, ещё сто тысяч дам, – несмело предложила она.

– Вы ещё здесь? – сделал удивлённое лицо капитан. – Уходите, уходите, я занят.

«А как же гараж? – опять заволновалась Галина. – Ведь одной дачи детям на учёбу не хватит, даже вместе с той тысячей долларов и пятью миллионами. А дворниками... чего они там заработают? Вот зараза закодированная, – вспомни-

ла она про мужа. – Из-за него приходится соглашаться с этим «рубильником».

– Я согласна, – покраснев, тихо проговорила она. – Только давайте я сначала с мужем встречусь.

– Договорились, – улыбнулся капитан. – Через пять минут я вас закрою в отдельной комнате.

Пусть не через пять, а через пятнадцать минут, но Галина действительно сидела в отдельной комнате с Алексеем. Выглядел он осунувшимся; глазки бегают, руки дрожат. «Любовью с ним заняться, – с ехидцей подумала. – До того ли ему; здесь, небось, и про Таньку забыл».

Объяснив мужу, что она в срочном порядке продаёт дачу, а он должен помалкивать о коврах, паласах, одежде и прочем добре; рассказала и о варианте с гаражом.

Воспринял он это сообщение с благодарностью. Расписавшись в чистых бланках, просил передать детям, чтобы не расстраивались шибко. И пусть учатся хорошо, денег от продажи дачи и гаража им должно хватить на годы учёбы. Про пять миллионов рублей и тысячу долларов даже и не вспомнил.

Разговаривая с женой, Алексей искоса поглядывал на её фигуру, лицо. «Да, не скоро придётся снова свидеться. Дождётся ли она меня?» Алексей на сто процентов был уверен, что жена изменяет ему. С такой фигурой, красивой внешностью; мужчины, наверное, липнут, как мухи на мёд. Поэтому и ревновал её, особенно на свадьбах, новогодних вечерах.

Он сидит пьяный, лыка не вяжет, а она в это самое время, проказничает.

Но жена готовилась лишь к первой в жизни измене, и готовилась по его вине.

Расстались супруги без улыбок, без объятий и поцелуев. Алексей чувствовал свою вину, а Галине он был неприятен. Оба стремились как можно быстрее покинуть эту прокуренную комнату. И уже через десять минут Галина настойчиво постучала в закрытую дверь.

– Я был уверен, что у вас ничего с мужем не получится, – гундосил на ходу капитан. – У него настроение не то.

Галина молчала, думая как отделаться от этого типа. «Если бы плащ насильно не снял, сбежала бы».

Войдя в кабинет, капитан запер за собой двойные двери.
– Теперь давайте коньяк с икрой, – сказал он. И многозначительно посмотрел на Галину в приталенном сиреновом платье, эффектно облегающем все выпуклости её тела.

Галина достала из пакета две бутылки коньяка, две баночки с икрой. Взяла из сумочки сто тысяч рублей, которые тоже положила на стол.

– Деньги уберите, – приказал капитан, – не то сядете вместе с мужем за дачу взятки.

Положив сто тысяч рублей обратно в сумочку, Галина села за стол. Капитан не медля ни секунды, наполнил рюмки, и она выпила сначала одну, потом вторую – для смелости. Закусывать не стала, чтобы быстрее опьянеть. Пососала лишь

карамельку, оказавшуюся на столе. Капитан снова налил, выпил за Галу-Галушку, как с ходу стал её называть.

Пили они, не чокаясь, и Галина старалась не смотреть на его свисающий сизый «рубильник». Почему-то капитан воскресил в её памяти того бородача, который повалил её девчонкой в бане. Может, потому, что тоже внушал ей страх. После четвёртой рюмки Галина расслабилась, осмелела, длинноносый капитан показался ей даже обаятельным. Она встала и сама, без напоминаний пошла к разложенному дивану. Остановилась, играя улыбкой. Довольно развязно поставила ногу на стул, чтобы капитан мог увидеть её кружевные белые трусики. И капитан тоже вышел из-за стола. Шумно освободившись от одежды, он встал на колени перед женщиной. Коснувшись губами её обнажённых ног, сначала одной, потом другой, поднялся и вдруг начал с треском снимать с неё одеяния. Затем уложил на диван, резко сдёрнул с неё остаток одежды.

Галина притихла, испуганно глядя на обнажившегося капитана – вот тебе и капитанский нос. Не зря, видно, нос в народе называют вывеской. А ещё говорят: «Что на витрине, то и в магазине». Страх сковал женщину, и она почти без памяти отдалась мужчине. «А-а-а! О-о-о!» – завопила она от испуга и незнакомых доселе ощущений. Хорошо, что кабинет находился в подвале, и никто не услышал её громких стонов и криков.

Спустя какое-то время, вся красная, шатаясь, как пьяная,

Гала-Галушка шла под душ. Оказывается, и душ здесь был. И даже сауна. А после этого опять пили коньяк, и Галина позволила себе приналечь на икру.

Капитан с умилением смотрел на доставшуюся ему сегодня женщину. Замужняя, но неопытная, страстная, видимо, до сих пор подавлявшая в себе эту страсть. «Прерывать отношения с ней нельзя. Надо продолжить и завтра, и послезавтра... пока она полностью не раскроется».

А Галина уже чуть ли не по-родственному смотрела на мужчину, не замечая его свисающего носа.

– Назар, ты почему не кушаешь? – кокетничая глазами, спросила она. – Икру, что ли, не любишь?

– Я тебя полюбил, Галушка, – поразительно нежным голосом ответил Назар. – Полюбил всю, целиком.

– Наза-а-р, ты меня в краску вгоняешь. Про любовь мне ещё никто не говорил. – Женщина стушевалась, завозилась на стуле.

Назар заметил её почти девичью стеснительность.

– Гала-Галушка, – прошептал он, – ты любовь моя. Это я говорю тебе искренне, поверь. – Аккуратно взяв на руки разомлевшую женщину, пошёл к дивану. Бережно положив её и сев рядом, стал нежно целовать её лицо, потом грудь, ниже...

Галина млела от неведомых, никогда ранее не испытанных ласк и чувствовала, как комок подкатывает к горлу. Ещё минута – и она расплчется сладкими, благодарными слезами.

Назар это чувствовал, видел, что женщина ждёт повторения, и, не мешкая, накрыл её собой. И она опять издала горловой вопль, но не от страха, а от непереносимого счастья и удовольствия. Так, пылко обнимаясь, одаривая друг друга ласковыми словами, они продолжали телесное общение.

Удивительная страсть проснулась в Галине, чего она никак не ожидала от себя. Ненасытное желание снова и снова кидала её навзничь. И утомлённый, почти измождённый мужчина, дабы не ударить в грязь лицом, из последних сил старался удовлетворить все её прихоти. В перерывах, запиная поцелуи коньяком, они взахлёб рассказывали друг другу о себе, не переставая благословлять в душе случай, который свёл их.

Время между тем шло. Минуло уже два с половиной часа, как они заперлись в этом подвале. Капитан начисто забыл о делах, а Галина – о сидящем в камере муже.

– Я так, ну, никогда ещё себя не чувствовала! – восторженно призналась она. – Ты, Назар, волшебник и колдун. Иди ко мне...

Натешившись до крайнего утомления, они, наконец, оделись. Галина довольно быстро преодолела усталость и чувствовала себя помолодевшей на десяток лет. Она достала из сумочки зеркальце, посмотрела на свои сияющие глаза, полыхающие щёки и распухшие от поцелуев губы и осталась довольна собой. Спрятала зеркальце и только тут обратила внимание на свою одежду.

– Наза-а-р, – нараспев протянула она, – зачем ты мне платье порва-а-л? Можно было поспокойнее. Ладно хоть сорочка с бюстгалтером по шву разошлись. – Улыбнулась, потянувшись губами к губам капитана. – Ненаглядный мой, я уж думала, умру сегодня. Нет, жива осталась. Ой, Назарушка... Хотя нет, ничего тебе больше не скажу. – Она прикрыла ладонями рот и смотрела на мужчину восхищёнными глазами.

Капитан подошёл к столу и, открыв ящик, достал из него три стотысячных купюры.

– Возьми, Гала, и купи себе новое платье. В следующий раз придёшь ко мне в нём.

– Назарчик, – взмолилась Галина, – я же про платье просто так сказала, ты что? Нет, нет, я не возьму, – решительно мотнула она головой. – У меня есть деньги.

Капитан крепко обнял её:

– Гала-Галушка, во-первых, я никогда не пил за счёт женщин. – Он поцеловал её и сунул в бюстгальтер сложенные купюры. – А во-вторых, деньгам место не в столе, а рядом с такими бесценными грудями.

Галина, надув губы, обиженным ребёнком посмотрела на Назара. Но губы вдруг дрогнули, трещинка на переносице расправилась и... Она повисла на шее горбоноса, который сначала ей напомнил чем-то страшного бородача из детства. Они ещё раз крепко расцеловались и покинули подвал.

К автобусной остановке Галина шла, не замечая никого и ничего вокруг. Ей казалось, что несут её не ноги, а крылья.

О муже вспомнила лишь в подъезде собственного дома. Приостановилась; вызвала в памяти Назара, поставила их рядом.

«Ой, да тут и сравнивать даже нельзя: неутомимый Назар и это закодированное бревно. Я даже не помню, чтобы хоть раз с ним могла нормально. Так неудобно, сяк, в основном кое-как. Тьфу ты, брюхо толстое, и сам всегда потный. Тьфу, тьфу, тьфу на тебя! А Наза-а-р... С ним и впрямь райское наслаждение. А он не армянин случайно? Носом больно похож на этого... с армянской фамилией. На Мкртчяна, что ли. Фрунзиком его звали. Умер бедняжка. И мой муж, будем считать, тоже умер. Теперь всё, свобода! Прощай, толсто-брюхий, сиди там, в своей клетке. А с Назарушкой мы ещё дадим дрозда, небу жарко станет. Надо, пожалуй, к Дуське зайти, поделиться впечатлениями. Или не надо?.. Не-е, она, по пьяной лавочке, может сболтнуть кому-нибудь, и пошло-поехало. Лучше приду, закроюсь в спальне, разденусь. Посмотрю, что Назарушка со мной сотворил. Ба, а чистые бланки-то с подписью Макашина! Нет, надо срочно к ней. Жаль, помечтать пока не удастся. Ладно, у меня много времени впереди: муж сидит, Назар разведён с женой, у него пустая однокомнатная квартира, вместе с ним помечтаем».

Прежде чем идти к Евдокии, Галина хотела взять с балкона бутылку вина, но вспомнила, что оставшиеся ящики – там, у соседки. Побежала к ней.

– Долгонько ходила, красавица, – встретила Евдокия по-молодевшую подругу. – Алексея видела, подписал он бума-

ги?

– Подписа-а-л, – с непонятной соседке улыбкой ответила Галина. А повесив плащ, добавила, направляясь на кухню: – Всё нормально.

– Хорошо, коль так, – направляясь вслед за нею, сказала Евдокия. Она сразу почувствовала и коньячный запах от Галины, и табачный дым. – Ну, рассказывай, как там лягавые вставали на задние лапы перед тобой, – присев вместе с Галиной к столу, попросила она. – Вижу и губки распухшие, и «молнию» на платье сломанную.

– Не, Дусь, лягавые не стояли на задних лапках, – вяло сообщила Галина. – Попытался один встать на дыбы, но я его быстро на место поставила.

Евдокия хитро улыбнулась:

– А с кем ты пила, с Алексеем? А платье кто так грубо сдирал, что замок вдребезги? И сидишь ты, подруга, враскаряку, как будто клин в тебя вогнали. Никогда ты раньше не сидела так. Сознаться девка, согрешила? Видно же: в твоих глазах мужик в фуражке нагишом стоит.

Галина покраснела и, опустив голову, тихо промолвила:

– Было дело, Дусь, согрешила. Вынудил один... а то бы с Алексеем не встретилась.

– Ну-у, а чего же краснеешь передо мной? Правильно сделала. А то муж пробовал других баб, а ты в скромницах ходила. Всё путём, молодец. И как он лягавый-то, ничего?

– Я не поняла с испуга-то, – тихо проговорила Галина. –

Сначала напилась, чтобы не стыдно было, а до этого он с мужем дал встретиться. Если бы он плащ с меня не снял, убежала бы.

– Кто это он? – улыбнулась Евдокия. – Молодой хоть мужик-то или не очень?

– Тридцать три года.

– Хм, молодой. Но врѣшь ты всё, Галька, – нахмурилась Евдокия. – А целовал тебя мент лягавый под пистолетом, что ли? Тут невооружѣнным глазом видно, что губки свои ты сама отдавала. Так губы измочалить время нужно. И без согласия с твоей стороны никак не обошлось. Если без желания, то я бы, к примеру, лучше выплюнула свои губы. Чего ты врѣшь мне? Ну, говори честно: в радость с ним целовалась? Да и не только целовалась.

– Да, – несмело призналась грешница. – Но сначала я не хотела, Дусь, поверь. А потом как с ума сошла.

– Во-о, это другой коленкор, – оживилась соседка. – Сразу бы так. А то темнит чего-то, темнит. Тебе в радость было то дело, а мне в удовольствие тебя послушать. Сама-то уж, может, и не сподоблюсь, так хоть с твоих слов кое-что почувствую. Ну, давай, да поподробнее! – потѣрла она руки. – Мужик-то стоящий попался? Да видно, что стѣящий, коли враскаряку сидишь. Мне это знакомо ещё по каменщику тому. Он лучше мужа-то хоть?

– Намного лучше, – призналась Галина. И помолчав, добавила: – Правда, сначала поджилки дрожали, думала, умру.

Евдокия заулыбалась во весь рот:

– Ага, значит, хорош сúbчик. А, Галь?

– Да, – кивнула та. – Ещё он опытный оказался, ну и... расшевелил. Потом сама на него стала бросаться, как будто озверела. Ну и ласковый он очень. Ой, Дусь, ну такой ласковый, плакать хотелось от радости.

Грешница зарумянилась вся, глазки засияли яркими лучиками. Вдохновившись, она принялась рассказывать со всеми деталями и подробностями. Правда, кое-что всё же скрыла. Евдокия, слушая её, тоже разругянилась как маков цвет. Она словно наяву увидела всё то, о чём так красочно говорила Галина.

– Вот это мужи-и-к! – невольнo восхищалась Евдокия. – Вот это подфартило тебе. Наконец-то хоть бабой знающей стала. Да-а, у меня таких длинных сеансов не было. Слышь, а для меня такого не найдётся у лягавеньких?

Галина пожала плечами.

– Нет, ты поспрошай у свово, – не отставала Евдокия. Но тут же улыбнулась невесело. – Да ладно, Галинка, это я так. Загорелась немного от твоего рассказа. Куда уж нам, рыжим. Э-э-х, давай-ка лучше дерябнем по стопарику, успокоим свою нервную дрожь. А то инфаркт может хватить после таких картинок.

Выпив рюмку водки и закусив, Галина вновь стала делиться впечатлениями:

– А как он меня кусал, Дусь, ох и куса-ал. Как тискал всю.

Груди до сих пор больно. И задницу. А волосы в самом интересном месте, думала, с корнем зубами вырвет. Многого во мне его возбуждало. Пристал ещё: почему, говорит, ты белая, как молоко? А я с детства не люблю загорать и на даче постоянно в закрытом платице работаю и в специальной панаме. Ой, Ду-у-сь, – опять вспомнила она, – у меня порой глаза на лоб лезли, думала, задохнусь, умру. Ведь криком кричала. А в некоторые моменты самой кусать хотелось, как бешеной собаке.

– Нет, Галька, подфартило тебе, что ни говори. Мне бы такого, да-а...

Выпив, Евдокия понюхала корку ржаного хлеба и продолжила:

– Тебе вон, оказывается, сколько времени на разогрев требуется. А я с пол-оборота заводжусь, по несколько разбв за сеанс вспыхиваю. Горячая я, прямо страсть. Минута – и готово. Ещё минута, опять готово. А бывает, и меньше минуты, когда охота берёт. Помню, у тебя эротический фильм по видуку смотрела со своим, думала, вот-вот вся соками изойду. И мой возбуждился. Так не успела я охнуть на кровати, уже всё. Да под таким напором обычно разряжаюсь, как из автомата. Тот каменщик мне говорил, что ему такая женщина как я, ни разу не встречалась. А у него их перебивало не один десяток. Да и муж постоянно доволен мной. Может, рыжие все такие? – рассмеялась она. – А ты, оказывается, трудно заводиться, зато потом... Но это тоже не плохо, а то

стала бы бросаться на каждого. Да, а почему ты, дорогúша, без чулков? Может, он их тоже порвал?

Галина не смутилась:

– Дусь, во-первых, я колготки ношу, а во-вторых, тепло на улице.

– Ну, гляди. – Евдокия качнула головой. – А беречь надо себя, всё равно не лето на дворе. А теперь выпьем по махонькой и примемся за дела. Сколько на наших золотых? Пять минут второго. Так, минут через десять к моей родственнице идём. Что сморщилась, не хочется? – хохотнула она. – Баюшки тянет? Нет, вместе пойдём, родственница велела с тобой приходить.

...В приподнятом настроении вернувшись от нотариуса, Евдокия сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.